

The background of the poster is a photograph of a man in a dark coat standing on a balcony or looking out from a severely damaged window. The window is shattered, with large pieces of glass missing and jagged edges remaining. Outside, it is nighttime, and a full moon is visible in a dark sky. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the magenta of the title text.

ЛИНЧУД БАРКЛИ

«ЭТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО НАПИСАЛ Л.БАРКЛИ.
ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ, ВРЕМЕНАМИ
ПУГАЮЩАЯ И УДИВИТЕЛЬНО
ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ!»

СТИВЕН КИНГ

ПОВЕРЬ
СВОИМ
ГЛАЗАМ

Криминальные романы Линвуда Баркли

Линвуд Баркли

Поверь своим глазам

«АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Баркли Л.

Поверь своим глазам / Л. Баркли — «АСТ»,
2012 — (Криминальные романы Линвуда Баркли)

ISBN 978-5-17-110126-8

Томас Килбрайт болен и редко покидает дом. Его единственная страсть — виртуальные путешествия по городам мира. Во время одной из таких компьютерных прогулок по Нью-Йорку он случайно видит записанную камерой сцену жестокого убийства. Томас сообщает об этом старшему брату Рэю, но тот поднимает его на смех. Однако, уступив просьбам Томаса, все-таки пытается выяснить, что на самом деле увидел брат. Вскоре Рэй приходит к выводу: действительно, было совершено убийство, причем за ним стоят очень влиятельные люди города. Отныне Томасу и Рэю грозит смертельная опасность...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-110126-8

© Баркли Л., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Пролог	5
1	9
2	15
3	19
4	20
5	27
6	32
7	37
8	43
9	49
10	53
11	54
12	58
13	63
14	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Линвуд Баркли

Поверь своим глазам

Роман

Моему брату посвящается

Пролог

Он свернул на Очард-стрит и посмотрел в окно именно в тот момент по чистой случайности. Ведь это запросто могло произойти неделю, месяц или даже год спустя. Но оказалось, что он сделал это в тот самый день.

Разумеется, когда-то ему все равно суждено было оказаться здесь. Рано или поздно, потому что, попадая в новый город, он прочесывал все его улицы до единой. Причем всегда начинал осмотр с твердым намерением строго придерживаться одной и той же схемы – проходить улицу от начала до конца, а потом пересекать квартал и возвращаться по параллельной, как покупатель ходит между рядами товаров в супермаркете. Но затем он попадал на перекресток, где что-то привлекало его внимание, и первоначальный план оказывался забыт.

И тот же казус случился с ним на Манхэттене, хотя из всех городов, которые ему доводилось посещать, именно Нью-Йорк в наибольшей степени подходил для методичного обследования, по крайней мере та его часть, что располагалась к северу от Четырнадцатой улицы, – четко распланированная решетка из улиц и авеню. К югу отсюда, стоило попасть в Уэст-Виллидж, Гринвич-Виллидж, Сохо или Китайский квартал, как возникал хаос, но это его нисколько не беспокоило. Уж ничем не хуже Лондона, Рима или Парижа и даже бостонского Норт-Энда, а ему понравилось осматривать все эти города.

Он свернул к югу на Очард-стрит с Деланси-стрит, хотя начал прогулку еще от угла Спринг и Малберри. Затем проследовал на юг до Гранд, на запад до Кросби, вернулся севернее на Принс, далее к востоку до Элизабет, к югу до Кенмар, потом опять стал перемещаться восточнее и долго двигался по Деланси, а добравшись до Очард-стрит, решил взять вправо.

Это была красивая улица. Не в смысле обилия цветов и фонтанов или пышных крон деревьев, обрамлявших ее по обеим сторонам. Не такая красивая, как улица Ваци в Будапеште, парижские Елисейские поля или Ломбард-стрит в Сан-Франциско. Нет, ее очарование заключалось в какой-то особой атмосфере и оригинальном историческом колорите. Узкая, с односторонним движением в северном направлении. Старые кирпичные доходные дома, из которых лишь немногие имели пять этажей, а большинство были трех– или четырехэтажными, возведенными полтора столетия назад. Эти здания, к фасадам которых лепились металлические скелеты пожарных лестниц, отражали псевдоитальянский стиль, столь популярный в середине и конце XIX века, с арками над проемами окон, с выступающими наружу каменными перемычками, с резными орнаментальными украшениями в виде листьев. На первых этажах располагались вошедшие с недавних пор в моду заведения: от стильных кафе до бутиков с дизайнерской одеждой. Хотя попадались и старожилы, более привычные и знакомые: магазинчик, торговавший разного рода униформой, агентство недвижимости, салон-парикмахерская, художественная галерея и лавка, продававшая чемоданы и дорожные сумки. Те, что были временно закрыты, как правило, надежно защищали опущенные стальные двери-жалюзи.

Он продолжил путь прямо посреди мостовой, не обращая внимания на проезжавшие мимо машины. Сейчас они не были для него проблемой. Уже давно он заметил, насколько лучше можно почувствовать обстановку, если двигаться по проезжей части. Это давало

наблюдателю несомненные преимущества. Ты мог смотреть вперед, по сторонам или даже совершить полный разворот на триста шестьдесят градусов – и снова окинуть взором то место, которое недавно миновал. Владеть всей полнотой информации о своем местонахождении и открывавшихся возможностях всегда важно.

Поскольку интересовался он главным образом городской застройкой – архитектурой, планировкой, инфраструктурой, – на людей, попадавших ему в пути, он почти не реагировал. И в разговоры не вступал. Ему, например, было совершенно не интересно поздороваться с рыжеволосой дамой, стоявшей на углу, с сигаретой. Он даже не пытался понять, какое послание окружающим содержит ее манера одеваться: кожаная куртка, мини-юбка и черные колготки, петли на которых словно намеренно спущены. Как не собирался он выяснить мнение спортивного вида женщины в черной бейсболке, стремительно пересекавшей улицу прямо перед ним, о перспективах «Янкис» в нынешнем сезоне. Сам он никогда не смотрел бейсбольных матчей и понятия не имел, что происходит в мире спорта. Точно так же он не узнал, почему большая группа людей с путеводителями, торчащими из карманов, сгрудилась вокруг некой дамы и внимает ее словам, хотя, как он догадывался, это была всего лишь экскурсия, а дама – гидом.

Добравшись до Брум-стрит, он заметил на углу симпатичный ресторан с небольшими белыми столиками и желтыми пластиковыми креслами, выставленными прямо на тротуар. Но снаружи никто не сидел. Плакат в витрине гласил: «Зайдите и согрейтесь!» Он приблизился и присмотрелся сквозь стекло к людям, пьющим кофе, работающим за портативными компьютерами или читающим газеты.

В ресторанной витрине он снова заметил отражение автомобиля, который попадался ему и прежде во время путешествий. Похоже, «хонда-сивик». Заурядная машина, если не считать какого-то прибора на крыше. Он уже видел ее неоднократно. И если бы не знал, что это в принципе невозможно, решил бы, что за ним следят. Выбросив подобные мысли из головы, он снова стал вглядываться в интерьер ресторана.

Жаль, что нельзя зайти и заказать чашечку латте или капучино. Он почти ощущал аромат кофе. Но нужно двигаться дальше. Ему предстояло еще столько всего увидеть, а времени оставалось мало. Завтра он планировал побывать в Монреале, а потом, в зависимости от того, как много успеет сделать там, через день перебраться, вероятно, в Мадрид.

Но это место он запомнит. Плакат в витрине, столики и кресла на тротуаре. Другие заведения вдоль Очард-стрит. Узкие проходы между зданиями. Как и все замеченное им на Спринг и Малберри, Гранд и Кросби, Принс и Элизабет, Кенмар и Деланси.

Запомнит все.

Он успел удалиться на треть квартала от перекрестка с Брум-стрит, когда бросил тот самый взгляд вверх.

Казалось, вот тут-то и сыграл свою роль элемент случайности. Заключался же он вовсе не в том, что он как раз появился на Очард-стрит. Необычным был сам по себе факт, что он посмотрел поверх витрин магазинов. С ним такое происходило крайне редко. Обычно он изучал различного рода учреждения, читал вывешенную снаружи информацию, наблюдал за людьми сквозь витрины кафе, запоминал номера домов, но далеко не всегда поднимал взгляд выше первого или второго этажей. Порой забывал об этом, но чаще слишком торопился. Вот почему он мог запросто пройти дальше вдоль улицы, так и не заметив именно того окна именно в том многоквартирном доме.

Но существовала вероятность, подумал он, что случайность здесь ни при чем. Наверное, ему было заранее предопределено посмотреть в то окно. Может, столь странным образом его подвергали проверке, чтобы удостовериться, готов ли он, пусть сам он был в этом совершенно уверен. Однако те, кто хотел использовать его незаурядные способности, не были, видимо, убеждены, стоит ли брать его в свою команду.

Окно располагалось на третьем этаже над магазином, торговавшим сигаретами и периодикой (в его витрине снова отразилась та самая машина), и бутиком. Окно делилось горизонтальной рамой на две части. Половину нижней из них занимал торчавший наружу кондиционер. Но его внимание привлекло нечто белое поверх кондиционера.

Поначалу показалось, будто это вырезанная из пенопласта голова, какие в небольших универмагах и парикмахерских используют для демонстрации париков. «Какая глупая идея – выставить болванку из-под парика в окне квартиры», – подумал он. Лысая, лишенная каких-либо черт лица голова смотрела поверх Очард-стрит. Впрочем, чего только не увидишь в окнах такого города, как Нью-Йорк! Будь этот предмет его собственным, он по крайней мере нацепил бы на него солнцезащитные очки, чтобы сделать чуть более похожим на голову человека. Проявил бы хоть немного фантазии. Правда, большинство людей не считали его наделенным богатым воображением.

Но чем дольше он всматривался, тем менее был уверен, что перед ним белая пенопластовая голова. Ее поверхность для этого выглядела слишком блестящей и вроде бы даже скользкой. Больше похоже на целлофан, из которого делают пакеты для продуктов из специализированных магазинов или для белья, предназначенного для сдачи в химчистку.

Он попытался взглянуть пристальнее.

Занятно, но и при более внимательном рассмотрении этот белый и почти круглый предмет в окне все равно формой напоминал человеческую голову. Искусственный материал натянулся поверх выступа, который мог быть только носом. Он плотно облепил нечто похожее на лоб сверху и подбородок – внизу. Можно было даже различить очертания рта и губы, округлившиеся в попытке сделать вдох.

Или в крике.

Это выглядело так, словно кому-то на голову натянули белый чулок. Но блеск материала все же подсказывал, что это, наверное, полиэтилен.

Не слишком-то умный поступок – напялить себе на голову пластиковый пакет. Дурачась подобным образом, можно и задохнуться.

При этом человек должен еще как-то изловчиться и тянуть за ручки пакета сзади, чтобы он с такой силой обтянул лицо. Но вот только рук человека снизу не было видно.

И это заставило задуматься: уж не делает ли этого кто-то другой?

О нет! Нет!

Что же он сейчас наблюдал? Как кто-то натянул целлофановый пакет на голову другому человеку? Полностью перекрыв дыхание? Чтобы задушить? Не потому ли создавалось впечатление, будто рот жертвы жадно ловит воздух? С кем же такое творили? С мужчиной? С женщиной?

Внезапно он вспомнил о мальчике в окне. Совершенно другом окне. Много лет назад.

Но человек, которого он видел в окне сейчас, не напоминал мальчика или девочку. Это был взрослый. Взрослый, чья жизнь покидала его. Теперь это выглядело со стороны именно так.

Он почувствовал, как сердце стало биться чаще. В своих путешествиях ему уже доводилось видеть всякое. Иногда что-то странное. Но то были мелочи в сравнении с этим зрелищем. Становиться свидетелем убийства ему пока не случалось. А в том, что он видел, как совершается убийство, не оставалось сомнений.

Но он не закричал. Не полез в карман пиджака за сотовым телефоном, чтобы набрать «девять-один-один». Не забежал в соседний магазин, чтобы кто-то другой вызвал полицию. И не бросился сам в тот дом, чтобы, преодолев несколько лестничных пролетов, попытаться остановить происходившее за окном третьего этажа.

Он лишь в задумчивости протянул руку, словно мог прикоснуться к лицу погибавшего от удушья, пощупать, что именно облепило его голову, сообразить, как... И может, тогда ему станет ясно, что же приключилось с этим человеком...

Его настолько поглотило созерцание сцены в окне, что он не сразу услышал, как кто-то попытался привлечь его внимание. Кто-то стоявший по ту сторону двери.

Потом он снял пальцы с компьютерной «мышь», резко развернулся в своем мягком рабочем кресле и спросил:

– Ну? В чем дело?

Дверь приоткрылась, и из коридора позвали:

– Тащи свою задницу вниз, Томас. Пора поесть.

– А что у нас на ужин? – спросил он.

– Гамбургеры с гриля.

Мужчина, сидевший в кресле у компьютера, произнес:

– Хорошо. Иду.

Он снова повернулся и взгляделся в кадр с окном, застывший на огромном мониторе. Размытое белое изображение обмотанной головы. Нечто призрачное. Видел ли это хоть кто-нибудь в то время? Поднял ли хоть кто-то взгляд?

Вот мальчика в окне не видел никто. Никто не посмотрел вверх. Никто не пришел ему на помощь.

Мужчина оставил изображение на экране, чтобы изучить его детальнее после ужина. И уже тогда решить, что следует предпринять.

1

Двумя неделями ранее

– Заходи, заходи, Рэй!

Гарри Пейтон пожал мне руку и провел в свой кабинет в юридической фирме, указав на красное кожаное кресло рядом с письменным столом. Будучи примерно ровесником отца, он выглядел на несколько лет моложе, чем папа в последнее время. При росте в шесть футов он был строен и подтянут, а голова блестела, как арбуз. Лысый череп некоторых мужчин старит, но только не Гарри. Он был любителем бега на длинные дистанции, и дорогие костюмы сидели на нем как влитые. Его рабочий стол свидетельствовал о страсти к порядку. Монитор компьютера, клавиатура, смартфон последней модели. И всего одна папка с бумагами. Остальная поверхность стола чиста, как холст, на который живописец еще не успел положить даже первый мазок.

– Еще раз прими мои соболезнования, – вздохнул Гарри. – О твоём отце можно было бы говорить часами, но преподобный Клэйтон сумел изложить все превосходно, хотя и кратко. Адам Килбрайд был очень хорошим человеком.

Я выдавил улыбку:

– Да, священник превосходно справился со своей задачей, если учесть, что с моим отцом он не встречался ни разу. Папа ведь в церковь вообще не заглядывал. Так что нам, наверное, повезло, когда нашелся хоть кто-то, чтобы провести церемонию. Спасибо, что пришли на похороны. С вами мы почти дотянули до дюжины.

Проводить отца в последний путь собрались одиннадцать человек, включая священника и меня самого. Еще там были Гарри и трое папиных сослуживцев из компании во главе с бывшим боссом Леном Прентисом, захватившим с собой жену Мари. Кроме того, присутствовал приятель отца, у которого когда-то был свой магазин хозяйственных товаров в Промис-Фоллз, но он разорился, не выдержав конкуренции с открывшимся на окраине «Хоум депо»¹. Из Кливленда приехали младший брат отца Тед с женой Робертой. Еще была соседка Ханна, чьей фамилии я так и не узнал, и Джули Макгил, с которой мы с Томасом учились когда-то в школе, ставшая теперь репортером местной газеты «Промис-Фоллз стандарт». Она поместила заметку о несчастье, случившемся с отцом, но о похоронах ничего писать не собиралась. Трагическая гибель папы стоила нескольких строк, но ведь он не являлся одним из столпов местного общества или президентом отделения «Ротари-клуба», и его смерть не наделала достаточно шума, чтобы освещать церемонию прощания в прессе. А потому Джули пришла лишь отдать дань уважения покойному, только и всего.

После поминок у сотрудников похоронного бюро осталось множество лишних бутербродов с яичным салатом. И они настояли, чтобы я забрал их с собой для своего брата. Конечно, я объяснил его отсутствие недомоганием, но никто (из тех, разумеется, кто моего брата знал) мне не поверил. На обратном пути я с трудом поборол искушение выбросить сэндвичи в окно машины, чтобы они достались птицам, а не моему братишке, но все-таки довез еду до дома, и она была благополучно им съедена.

– А я так надеялся, что твой брат все же появится, – сказал Гарри. – Давненько я не видел его.

Мне сначала показалось, будто речь идет о нашей нынешней встрече, и тогда это звучало странно, поскольку брат не мог быть душеприказчиком отца, но потом я сообразил, что Гарри имел в виду похороны.

¹ Крупнейшая в США сеть хозяйственных супермаркетов. – Здесь и далее примеч. пер.

– Ничего не смог поделывать, как ни старался, – произнес я. – На самом деле он не был болен.

– Я догадался.

– Как я его ни уговаривал, все оказалось тщетно.

Пейтон сочувственно покачал головой:

– А ведь твой отец так старался окружить его заботой. Не меньше, чем Роуз, ваша мама, упокой ее душу, Господи! Сколько лет ее уже нет с нами?

– Она умерла в 2005 году.

– Вот, очевидно, когда ему стало трудно с ним управляться.

– В то время он еще работал в «Пи энд Эл», – заметил я, имея в виду типографию «Прентис энд Лонг». – И мне кажется, по-настоящему тяжело отцу стало только после преждевременного выхода на пенсию. Приходилось все время проводить дома, и это его мучило, хотя он был не из тех мужчин, которые устраняются от решения проблем. – Я закусил губу. – Мама... Она умела от всего абстрагироваться. Принимала ситуацию как должное, но для отца это оказалось гораздо сложнее.

– Адам был еще не старым, – заметил Гарри. – Боже! Всего шестьдесят два. Весть о его гибели меня как громом поразила.

– Меня тоже, – кивнул я. – А ведь мама годами твердила ему, что косить траву вдоль того склона на тракторе очень опасно. Но он лишь отмахивался. Мол, я знаю, что делаю, не лезь. И что его только туда тянуло? Это самый отдаленный от дома край их участка земли. Его не видно ни с дороги, ни из домов. Уклон в сторону оврага почти в сорок пять градусов. И все равно отец упрямо косил там на тракторе, проходя вдоль склона и используя свое тело как противовес, чтобы машина не перевернулась.

– Как думаешь, Рэй, сколько твой отец пролежал там, пока его нашли?

– Папа отправился косить, вероятно, сразу после обеда, а обнаружили его в шесть часов вечера. Когда трактор опрокинулся и накрыл его сверху, руль пришелся как раз в это место, – я указал на свой желудок, – раздавив ему все внутренности.

– Боже милостивый! – Гарри машинально положил руку себе на живот, словно пытаюсь вообразить, какую безумную боль должен был испытывать отец.

Я же не мог ничего к этому добавить.

– Он был на год моложе меня, – продолжил Гарри. – Мы иногда встречались с ним, чтобы пропустить по стаканчику. А пока еще была жива Роуз, порой играли вместе в гольф. Но Адам всегда с неохотой оставлял твоего брата одного в доме надолго, и потому у него вечно не хватало времени, чтобы пройти все восемнадцать лунок.

– Да и играл папа не слишком умело, – заметил я.

Гарри грустно улыбнулся:

– Врать не буду. Загнать шар в лунку с короткой дистанции он мог неплохо, но его дальние удары оставляли желать лучшего.

– Что верно, то верно, – рассмеялся я.

– А вот когда Роуз не стало, у твоего отца не находилось даже времени, чтобы хотя бы просто поработать над ударом на тренировочном стенде.

– Он был о вас самого высокого мнения, – произнес я. – Всегда считал вас прежде всего другом и уже во вторую очередь – своим адвокатом.

Они действительно дружили почти четверть века. Еще с тех времен, когда Гарри пережил трудный развод и был вынужден оставить дом бывшей жене, а сам долго ютился в квартирке над обувным магазином в центре Промис-Фоллз – небольшого городка на севере штата Нью-Йорк. Он любил в шутку повторять, какая наглость с его стороны предлагать себя клиентам в качестве адвоката по бракоразводным делам после того, как его самого обобрали до нитки в ходе точно такого же процесса.

Телефон Гарри издал короткий сигнал, означавший получение электронного письма, но он даже не взглянул на него.

– Когда я в последний раз разговаривал с папой, – сказал я, указывая на телефон, – он как раз подумывал о том, чтобы купить такой же. Его старым мобильником, конечно, можно было фотографировать, но снимки получались некачественные. И ему хотелось отправлять сообщения через Интернет.

– Да уж, Адам никогда не испытывал робости перед электронными новинками, – кивнул Гарри, складывая ладони вместе и подавая тем самым сигнал, что нам пора переходить к сути дела, ради которого я к нему пришел. – На похоронах ты обмолвился, что по-прежнему живешь в своей мастерской в Берлингтоне, так?

Я действительно жил по противоположную сторону границы штата Вермонт.

– Да, – подтвердил я.

– Как с работой?

– Неплохо, хотя изменения затронули и нашу профессию.

– Я тут как-то видел один из твоих рисунков. Кстати, правильно их так называть?

– Конечно. Рисунки, иллюстрации, карикатуры.

– Пару недель назад один из них попался мне на глаза в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс». Твой стиль я узнаю безошибочно. У всех твоих персонажей огромные головы на хлипких телах, и создается впечатление, будто из-за этого они вот-вот упадут. Но очертания у фигур округлые и плавные. А еще мне нравится, как ты умеешь тонировать их кожу и все остальное. В чем секрет?

– Пользуюсь обычным распылителем для краски.

– «Таймс» часто к тебе обращается?

– Не так часто, как прежде. Намного легче вытащить старую иллюстрацию из архива, чем заказать художнику оригинальную работу. Газеты и журналы урезают расходы. Сейчас я чаще выполняю заказы сайтов в Интернете.

– То есть ты их разрабатываешь? Я имею в виду сайты.

– Нет. Делаю эскизы оформления и передаю их разработчикам.

– Еще недавно я бы посчитал, что для работы на издания, выходящие в Нью-Йорке и Вашингтоне, полезно было бы жить где-то рядом. Но в наши дни это, как можно догадаться, уже не имеет значения.

– Для всего, что невозможно отсканировать и передать по электронной почте, существуют фирмы срочной доставки вроде «Федерального экспресса», – ответил я.

Воспользовавшись паузой, Гарри открыл лежавшую перед ним папку и стал просматривать хранившиеся в ней документы.

– Рэй, ты уже ознакомился с содержанием завещания своего отца?

– Да.

– Он давно не вносил в него никаких изменений. Сделал лишь пару поправок после смерти жены. Однако я случайно встретился с ним. Он сидел в отдельной кабинке ресторана «Келлис» и пил кофе. Предложил и мне чашечку. Он был один за столиком у окна и разглядывал прохожих на улице. Перед ним лежал свежий номер «Стандарда», но он к нему не притрагивался. Мне и прежде доводилось видеть его там. Складывалось впечатление, будто ему иногда необходимо побыть наедине с собой, отдохнуть от дома. Но в тот раз он мне помахал, рукой приглашая за свой стол, и сказал, что хочет переписать завещание, включив в него несколько особых оговорок. Но только руки у него до этого так и не дошли.

– Чего не знаю, того не знаю, – произнес я, – но вы меня не удивили. Ситуация с моим братом не меняется в лучшую сторону, а потому он вполне мог решить оставить одному из своих сыновей большую долю, чем другому.

– Буду с тобой откровенен. Если бы Адам все-таки пришел ко мне в контору для изменения завещания, я бы настоятельно не рекомендовал ему перераспределять собственность в пользу одного из сыновей. «Никогда не выделяй особо кого-либо из своих детей, чтобы не породить раздоров, когда тебя не станет», сказал бы я ему. Но разумеется, окончательное решение осталось бы за ним. Впрочем, хотя завещание в его нынешнем виде выглядит достаточно простым и ясным, там есть моменты, над которыми тебе придется поразмыслить.

Я представил отца, сидящего в кабинке ресторана. Странно, ведь после смерти мамы он мог проводить сколько угодно времени в одиночестве, даже не выходя из дома, пусть формально он и не оставался там совершенно один. Чтобы уединиться, ему можно было не выходить за порог. Хотя его желание ненадолго сбежать можно понять. Иногда каждому из нас хочется знать, что вокруг никого нет, или просто сменить обстановку. Но сама мысль об этом наводила на меня тоску.

– Как я понял, по нынешнему тексту завещания мы все делим пополам, – сказал я. – И если дом с участком будут проданы, половину денег получу я, а вторую – мой брат.

– Да. Недвижимость, деньги и ценные бумаги – все делится пятьдесят на пятьдесят.

– Наличными это примерно сто тысяч, – прикинул я. – Все, что родители сумели накопить на старость. Они жили очень экономно. Почти ничего не тратили на собственные нужды. На сто тысяч отец мог бы спокойно прожить до самой смерти... – Я произнес эту фразу и осекся. – Если бы прожил еще двадцать или тридцать лет... И есть еще страховка, но на незначительную сумму, верно?

Гарри Пейтон кивнул и откинулся на спинку кресла, сведя пальцы рук на затылке. Затем втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Тебе придется решать, как поступить с домом. Ты имеешь полное право выставить его на продажу, а вырученную сумму поделить с братом. Ипотека полностью выплачена, и, по моим прикидкам, можно выручить тысяч триста или даже четыреста.

– Около того, – подтвердил я. – Там только земли почти шестьдесят акров.

– Значит, каждый из вас сможет положить себе в карман плюс-минус четверть миллиона. Сумма приличная. Сколько тебе лет, Рэй?

– Тридцать семь.

– А брат на два года моложе?

– Да.

Пейтон в задумчивости кивнул.

– Если вложить деньги с умом, ему их хватит на несколько лет, но проблема в том, что он все еще очень молод, и пройдет долгое время, прежде чем он сможет рассчитывать на социальное пособие. Ведь, как говорил мне твой отец, на то, что он когда-либо найдет работу, рассчитывать не приходится.

– Это правда.

– Что касается тебя, то здесь все обстоит иначе. Ты можешь использовать свою долю, вложив деньги в дело, или купить дом побольше в расчете на... Знаю, знаю. Сейчас ты не женат, Рэй, но наступит день, когда встретишь кого-то, пойдут дети...

– Понимаю, о чем вы, – оборвал я его, – но пока никого не наблюдаю на горизонте.

В свое время – тогда мне только перевалило за двадцать – я дважды чуть не женился, но в результате этого так и не случилось.

– В подобных делах ничего нельзя предсказать заранее, – махнул рукой Гарри. – Я, конечно, не вправе влезать официально, но поскольку твой отец наверняка захотел бы, чтобы я позаботился о его мальчиках, чувствую необходимость по мере сил помочь вам советом. – Он рассмеялся. – Хотя какие вы теперь мальчишки? Те времена давно ушли в прошлое.

– Я все равно благодарен вам, Гарри.

– Вот к чему я клоню, Рэй. Наследство отца для тебя вещь, разумеется, приятная, но ведь ты легко обошелся бы и без него. Ты хорошо зарабатываешь, а если, не дай Бог, эта работа перестанет давать достаточно денег, найдешь другую и, уверен, всегда будешь крепко стоять на ногах. А для твоего брата... Для него наследство – единственный источник дохода, который он когда-либо будет иметь. Ему могут понадобиться все его деньги от продажи дома только для того, чтобы удержаться на плаву, но лишь при условии, что он найдет недорогое жилье или получит субсидию на его аренду.

– Мне это уже приходило в голову.

– Тогда ответь на вопрос, который не дает мне покоя. Ты сможешь заставить его покинуть родительский дом? Причем не для однодневной прогулки, а навсегда?

Я оглядел его кабинет, словно в поисках подсказки.

– Даже не знаю. Он ведь не страдает этой, как ее... агорафобией? Иногда папе удавалось выманить его из дома. Правда, в основном для поездок к врачу.

Мне не хотелось произносить слова «психиатр», но Гарри знал, о каком докторе идет речь.

– Проблема не в том, чтобы вытащить Томаса наружу. Гораздо сложнее оторвать его от компьютера. Когда бы они с папой ни уезжали, оба затем возвращались совершенно измотанные. Поэтому мне очень не хотелось бы заставлять его переселяться в другое место.

– Что ж, тогда давай пока оставим эту тему, – произнес Гарри. – Могу с радостью сообщить, что твоя роль душеприказчика не потребует больших усилий. Просто придется несколько раз заехать сюда и оформить кое-какие бумаги. У меня могут неожиданно возникнуть мелкие вопросы, но тогда я попрошу Элис позвонить тебе по телефону. А ты сам, вероятно, захочешь, чтобы вашу собственность оценили и точнее назвали сумму, какую можно за нее выручить. – Он порылся в листках из папки. – Если не ошибаюсь, у меня здесь есть все твои номера и адрес электронной почты.

– Должны быть, – кивнул я.

– И между прочим, твой отец прислал мне копию своей страховки. Она покрывает и смерть в результате несчастного случая.

– Я об этом не знал.

– Это еще пятьдесят тысяч. Так сказать, небольшая добавка в общий котел.

Гарри сделал паузу, давая мне время осмыслить новую информацию.

– Значит, ты пробудешь у нас какое-то время, прежде чем вернешься к себе в Берлингтон?

– Да, пока не улажу все дела.

На сегодня мы закончили. Когда Гарри провожал меня к выходу, он положил мне ладонь на руку и неожиданно спросил:

– Рэй, если бы твой брат заметил, что отца долго нет дома, и отправился искать его немного раньше, это что-нибудь изменило бы?

Я и сам не раз задавался тем же вопросом. Папа пролежал, придавленный к земле трактором на склоне холма, несколько часов, прежде чем брат нашел его там. А ведь сама авария должна была сопровождаться немалым шумом. Грохот опрокидывающегося трактора, скрежет вращающихся лезвий.

Кричал ли отец? И если кричал, то можно ли было услышать его сквозь треск мотора? Доносились ли до дома какие-то звуки вообще?

Впрочем, мой брат скорее всего в любом случае ничего не услышал бы.

– Мне пришлось смириться с мыслью, что ничего изменить было нельзя, – ответил я. – И не вижу смысла строить иные предположения.

Гарри понимающе кивнул:

– Ты прав. Наверное, так и следует все воспринимать. Что случилось, то случилось. Время не повернешь вспять.

Я ждал, что Гарри выдаст на прощание еще серию затертых клише, но он лишь спросил:

– Твой брат ведь действительно полностью скрылся от действительности в своем маленьком мирке?

– Вы даже не представляете, до какой степени, – сказал я.

2

Я сел в машину и вернулся к дому отца.

После маминой смерти я очень долго думал об этом месте как о доме родителей, хотя папа жил там уже без нее. Мне потребовалось несколько лет, чтобы привыкнуть к этому. А теперь, когда после гибели папы прошло менее недели, я знал, что какое-то время не перестану по-прежнему считать дом принадлежащим исключительно ему.

Но ведь это не так. Теперь все изменилось. Это мой дом.

И дом моего брата.

Хотя я никогда здесь не жил. Приезжая ненадолго навестить их, я ночевал в гостевой комнате, но в ней не осталось и не могло остаться никаких памятных вещей из времен моего детства: ни пачки припрятанных номеров «Плейбоя» и «Пентхауса», ни моделей автомобилей на полках, ни плакатов на стенах. Родители купили дом, когда мне исполнился двадцать один год, и я даже успел покинуть наше прежнее семейное гнездо на Стоунивуд-драйв в самом центре Промис-Фоллз. Папа с мамой лелеяли надежду, что один из их сыновей выбьется в большие люди, но, похоже, расстались с мечтой, когда я забросил учебу в университете Олбани и нашел работу в художественной галерее на Бикман-стрит в Саратога-Спрингс.

Родители никогда не стремились стать фермерами, но стоило им увидеть это место, как оно сразу покорило их. Во-первых, дом располагался практически за городом и в нескольких сотнях ярдов от ближайших соседей. Это создавало ощущение уединенности, обладания личным пространством. И снижало вероятность повторения инцидента.

Во-вторых, даже отсюда отцу было недолго добираться до работы. Вот только вместо того, чтобы по дороге туда проезжать Промис-Фоллз через центр, он всегда пользовался объездным шоссе, прокладку которого завершили в конце 1970-х годов. Отцу нравилось трудиться в «Пи энд Эл», и он даже не пытался искать другую фирму, чтобы работать ближе к дому.

В-третьих, дом был прекрасен сам по себе с окнами в мансарде и террасой по всему периметру. Мама обожала сидеть на ней в течение по меньшей мере трех времен года из четырех. Вместе с домом продавался большой амбар, который не был отцу особенно нужен. Он использовался как склад инструментов и место стоянки трактора для стрижки травы. Но им обоим нравилась эта нехитрая постройка, пусть ее и не заполняли каждую осень ароматным сеном, как при прежних владельцах.

Земельный участок был действительно обширным, но родители всерьез ухаживали только за парой акров. Задний двор примерно на шестьдесят футов был плоским, а потом его поверхность резко уходила вниз, в неразличимый из дома овраг, тянувшийся к руслу реки. Она же плавно протекала через центр городка, чтобы потом образовать каскад водопадов, которые, собственно, и дали этому месту название Промис-Фоллз ².

За все время, что я бывал у родителей, мне пришлось спуститься в овраг лишь однажды. Но теперь меня ожидала там работа, за нее я собирался приняться, как только соберусь с духом.

Еще один большой и безлесный участок земли, обрабатывать который отец был не в состоянии, сдавали в аренду соседям-фермерам. И многие годы это служило моим родителям дополнительным, хотя и чисто номинальным источником дохода. А ближайший лес простирался уже по противоположную сторону шоссе. Поэтому, когда сворачиваешь с основной дороги на проселок, дом и амбар двумя прямоугольниками сразу же возникали в отдалении. Мама не уставала повторять, что ей нравится, когда к дому ведет длинная подъездная дорожка, потому что, стоило ей заметить, как в их сторону направлялась незнакомая машина – а это

² От *англ.* falls – водопад.

происходило, по ее собственному признанию, крайне редко, – у нее оставалось достаточно времени, чтобы морально подготовиться.

Подготовиться к чему?

– Люди обычно не появляются у тебя на пороге с хорошими новостями, – объясняла она.

Что ж, таков, несомненно, был ее собственный жизненный опыт с самой юности, когда правительственный чиновник явился к ним с мамой домой, чтобы сообщить: ваш муж и отец пал смертью храбрых на поле брани в Корее.

Я подъехал почти к самым ступеням, ведущим на террасу, и припарковал свою «ауди» рядом с микроавтобусом «крайслер», на котором папа ездил последние десять лет. Моя немецкая машина вызывала у него антипатию. Он считал, что не следует поддерживать экономику страны, которая не так давно являлась нашим врагом.

– Так дойдет до того, – сказал он мне несколько месяцев назад, – что как только они начнут импортировать автомобили из Северного Вьетнама, ты себе сразу же купишь один из них.

В ответ на такую принципиальность я предложил ему помочь отнести на помойку его любимый телевизор «Сони», огромный экран которого позволял хорошо видеть движение шайбы во время хоккейных матчей.

– Его ведь произвели в Японии, не так ли? – злорадно спросил я.

– Только дотронься до «ящика», и я тебе башку отверну! – огрызнулся отец, не найдя возражений по существу.

Я взбежал по лестнице на крыльцо, перескакивая через две ступени, отпер входную дверь (мне не понадобился для этого отцовский ключ, потому что я всегда имел свой) и направился в кухню. Настенные часы показывали почти половину пятого. Самое время позаботиться об ужине.

Я изучил содержимое холодильника, чтобы проверить, не осталось ли там чего после последней поездки отца в город за продуктами. Умением готовить он никогда не отличался и ограничивался самым элементарным. Мог, например, сварить спагетти или разогреть духовку и положить в нее курицу. Но на те частые дни, когда у него не хватало энергии даже на это, морозильник был забит гамбургерами, рыбными палочками, жареным картофелем и таким количеством прочих полуфабрикатов, что впору было открывать филиал фирмы «Стоуффер»³.

Что ж, на сегодня сойдет и это, но уже завтра придется поехать в супермаркет самому. Если честно, то я тоже не люблю готовить, и нередко по вечерам мне лень возиться с чем-то более сложным, чем миска залитых горячим молоком кукурузных хлопьев. Мне кажется, что одинокому человеку вообще трудно найти мотивацию для приготовления кулинарных изысков, как и употреблять пищу, сидя за обеденным столом. Я, к примеру, мог поужинать, стоя перед телевизором во время выпуска новостей, или тащил разогретую в микроволновке лазанью в мастерскую и поглощал ее, не отрываясь от работы.

В холодильнике я нашел шесть банок «Будвайзера». Отец всегда отдавал предпочтение недорогим и проверенным сортам пива. Признаюсь, внутри у меня что-то екнуло, когда я брался за его последнюю в жизни упаковку, но это не помешало мне достать банку и вскрыть ее.

– За тебя, папа! – произнес я, чуть приподнимая банку и пристраиваясь за столом.

В кухне царила образцовая чистота. Отец всегда отличался аккуратностью и опрятностью во всем. Вот почему ему было трудно смириться с тем, во что превратились коридор и лестничная площадка второго этажа. У меня сложилось впечатление, будто любовь к порядку ему привили в армии. Он отслужил по призыву ровно два года, причем большую часть этого времени провел во Вьетнаме. Но никогда не рассказывал о пережитом.

³ Сеть продуктовых магазинов в США и Канаде; принадлежит корпорации «Нестле».

– Было – и прошло, – обрывал отец разговор, стоило кому-нибудь поднять эту тему.

Сам он считал свою аккуратность и тщательность во всем профессиональными привычками работника типографии – где от точности и внимания к деталям зависело очень многое.

Так я посидел еще немного, попивая отцовское пиво и собираясь с силами перед тем, как что-нибудь разморозить и разогреть в печи. Открыв вторую банку, стал доставать из морозильника продукты. Не зная, где что лежит в кухне, я выдвинул несколько ящиков, чтобы найти сервировочные подстилки, ножи с вилками и салфетки.

Когда все было почти готово, я пересек гостиную, но замер на лестнице, прежде чем подняться наверх. Захотелось снова взглянуть на гостиную, где стояли диван с клетчатой обивкой, купленный моими родителями лет двадцать назад на распродаже в Олбани, кресло-качалка, в которой отец располагался, когда смотрел передачи на своем драгоценном «Сони», потертый журнальный столик, приобретенный одновременно с диваном.

Но если мебель новизной не отличалась, то на современные технологии отец явно не скупился. Здесь был тот самый телевизор с плоским экраном диагональю в тридцать шесть дюймов и функцией высокого разрешения, который отец купил год назад специально для просмотра футбольных и хоккейных матчей. Ему нравились спортивные передачи, хотя и приходилось «болеть» в одиночестве. Внизу пристроился проигрыватель для DVD, а рядом находилось устройство, позволявшее заказывать через Интернет любые фильмы.

Хотя и кино отец тоже смотрел один.

Эта гостиная походила на миллионы других таких же гостиных. Совершенно стандартная. Ничего необычного.

Чтобы увидеть нечто экстраординарное, достаточно было подняться в холл и коридор второго этажа.

Родители пытались ограничивать странные увлечения моего брата пределами его комнаты, но потерпели в этой борьбе сокрушительное поражение. Стены коридора и холла, которые мама сама покрасила в бледно-желтый цвет много лет назад, были теперь полностью покрыты различного рода картами, планами, схемами, и едва ли можно было найти среди них хотя бы квадратный дюйм свободного пространства. Стоя на верхней ступеньке лестницы и глядя вдоль коридора, который вел к трем спальням и общей ванной комнате, я представил, что именно так мог выглядеть подземный командный пункт времен Второй мировой войны, где к стенам бункера были бы прикреплены огромные карты занятых врагом территорий, чтобы знатоки стратегии планировали по ним наступления своих армий. Но у военных все это располагалось бы хоть в каком-то порядке. Например, картам Германии и планам немецких городов было бы отведено на стене определенное место. Как Франции или Италии.

Представлялось маловероятным, чтобы находящийся в здравом уме генерал разместил рядом карты Польши и Гавайских островов. Или залепил часть туристической схемы улиц Парижа картой расположения бензоколонок на автомагистралях Канзаса. Или приколот кнопки топографическую карту Алжира в соседстве со спутниковыми фотографиями Мельбурна. Или пришил степлером прямо в стену вырванную из журнала «Нэшнл джиографик» и основательно помятую карту Индии вместе с планом Рио-де-Жанейро.

Этот пестрый бумажный ковер, это безумное лоскутное одеяло из карт, покрывавшее коридор, – все это выглядело так, словно кто-то поместил нашу планету в миксер и, смешав, превратил в обои.

Красные стрелки, проведенные фломастером-маркером, соединяли карты между собой, придавая им некие невразумительные и случайные связи. Повсюду от руки были сделаны приписки. Поперек Португалии без видимой причины значилось: «236 миль». В отдельных и совершенно непредсказуемых местах коридора были проставлены цифры широты и долготы. Причем некоторые страны удостоились фотографий отдельных объектов. Ксерокопию с изображением известного здания сиднейской оперы коротким обрывком зеленого малярного

скотча прилепили поверх карты Австралии. Старый снимок Тадж-Махала держался на карте Индии скорее всего с помощью шарика жевательной резинки.

Непостижимо, как отец, оставшись один, все это терпел. Пока мама была жива, она принимала удар на себя. Говорила начинавшему возмущаться отцу, чтобы он на время ушел из дома, отправился в спорт-бар и посмотрел игру в обществе Ленни Прентиса и других товарищей по работе. Или навестил Гарри Пейтона. Но как папа мог выносить это позже, когда день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем проходил вдоль коридора? Неужели ему удавалось уговаривать себя ничего не замечать? Делать вид, будто перед ним только все та же желтая краска, которую многие годы назад он сам помог жене накатать валиком на стены?

Я подошел к двери первой из спален, она, как обычно, оказалась закрыта, и уже поднял руку, чтобы негромко постучать, но прислушался. Из комнаты доносились голоса. Это был диалог, хотя голос принадлежал одному человеку. Смысл остался для меня неразборчивым. Я постучал.

– Да! В чем дело? – отозвался Томас.

Я открыл дверь, полагая, что он, вероятно, говорит по телефону, но трубки в его руке не увидел. Я сказал, что пора ужинать, и он пообещал сейчас же спуститься вниз.

3

- *Рад снова слышать вас.*
- *Спасибо, что ответили на мой вызов.*
- *Вообще-то я не даю свой личный номер кому попало. Но на вас мы возлагаем особые надежды.*
- *Я очень ценю ваше доверие, сэр. Поверьте, очень ценю.*
- *Мной получено ваше последнее электронное письмо. Дела у вас идут весьма успешно.*
- *Так точно, сэр.*
- *Это хорошая новость.*
- *Но позвольте спросить... Вам уже стала известна точная дата, когда все произойдет, сэр?*
- *Нам бы очень хотелось обладать информацией. Но это так же сложно, как предсказать, когда нанесут свой очередной удар террористы. Сейчас мы пока ничего не знаем. Вот почему так важно быть готовым в любой момент.*
- *Разумеется.*
- *И, как я вижу, вы в полной готовности. Вы будете представлять для нас огромную ценность. Станете ресурсом особой важности.*
- *Вы можете полностью на меня рассчитывать, сэр.*
- *Надеюсь, вы осознаете, с каким риском связана ваша работа?*
- *Осознаю, сэр.*
- *Вы уникальны, и силы, враждебные нашему правительству, дорого бы дали, чтобы вы попали к ним в руки.*
- *Я всегда настороже, сэр.*
- *Правильно. Но мне пора идти. Жена возвращается сегодня из вояжа по Ближнему Востоку.*
- *Неужели?*
- *Да. И она вернется не с пустыми руками, можно не сомневаться.*
- *Она сожалеет, что смогла добиться избрания на пост президента?*
- *Отвечу просто. Не думаю, что у нее оставалась для сожалений хотя бы секунда свободного времени.*
- *Полагаю, вы правы, сэр.*
- *Что ж, продолжайте в том же духе.*
- *Огромное спасибо, мистер президент. Я ведь могу... То есть это ведь правильно, что я по-прежнему обращаюсь к вам именно так?*
- *Конечно. Ты остаешься президентом, даже если больше не занимаешь Белый дом.*
- *Буду поддерживать с вами связь.*
- *У меня нет в этом никаких сомнений.*

4

– Предположим, ты остановился в отеле «Пон-Руаяль» и тебе нужно добраться до Лувра. Как ты это сделаешь? – приставал ко мне Томас. – Ну же, это задачка из самых легких!

– Что? – рассеянно отозвался я. – О каком городе речь?

Он вздохнул и посмотрел на меня через кухонный стол с такой грустью, словно я был нерадивым учеником, который расстроил учителя, показав, что не умеет считать хотя бы до пяти. Внешне мы с Томасом похожи друг на друга. Ростом примерно в пять футов и одиннадцать дюймов, с уже начавшими редеть темными волосами, хотя Томас на несколько фунтов тяжелее меня. Скажем так: меня можно сравнить с более стройным Винсом Воном⁴ из «Тусовщиков», а Томаса – с уже набравшим лишнего веса Винсом Воном из «Развода по-американски». Вид у меня более здоровый, и физическое развитие здесь совершенно ни при чем. Если вообще не выходить из дома и проводить двадцать три часа в сутки у себя в спальне – а он ухитрился отводить завтрак, обед и ужин лишь три двадцатиминутных перерыва, – то лицо делается одутловатым и приобретает почти болезненную молочную бледность. Ему явно не хватало витамина D и не помешало бы провести хотя бы недельку на Бермудах. Впрочем, даже не побывав там ни разу, Томас наверняка мог назвать мне все местные отели и указать, на каких улицах они располагались.

– Я ведь назвал Лувр. Разве трудно после этого понять, о каком городе мы говорим? Лувр! Проще некуда.

– Ну разумеется, это Париж, – нехотя произнес я. – Ты говоришь о Париже.

Он поощрительно, почти радостно закивал. С замороженным куском говядины, который я разогрел в микроволновке, Томас уже расправился, хотя сам я не съел еще и половины своей порции, уже понимая, что остального мне не осилить. Намазанный маслом кусок картона показался бы мне сейчас гораздо вкуснее. Брат сидел на стуле, развернувшись в сторону лестницы, словно в любую секунду был готов сорваться с места.

– Правильно. Итак, тебе нужно попасть в Лувр. Каким путем отправишься туда?

– Понятия не имею, Томас, – устало сказал я. – Я знаю, где находится Лувр. Я не просто бывал в Лувре, а провел там целых шесть дней. Когда мне было двадцать семь лет, я месяц жил в Париже. Брал уроки рисунка. Но откуда мне знать об отеле, который ты имеешь в виду? Я останавливался в молодежном общежитии.

– Это отель «Пон-Руаяль», – повторил он.

Но я лишь смотрел на него и ждал.

– На рю де Монталамбер.

– Томас!

– Это рядом с рю дю Бак. Напряги извилины. Старинный отель. Здание из серого камня, с вращающейся парадной дверью, из древесины грецкого ореха. Там еще рядом заведение, где делают рентген, потому что в витрине реклама маммографии и радиологии, а сверху вроде бы обычные квартиры с глиняными цветочными горшками в окнах. Этажей восемь, а внизу по левую руку расположен очень дорогой ресторан с тонированной витриной, у которого нет столиков снаружи в отличие от большинства других парижских кафе, а еще...

И все это по памяти!

– Пойми, я действительно устал, Томас. У меня сегодня состоялся очень серьезный разговор с Гарри Пейтоном.

– Но ведь как раз до Лувра добраться оттуда проще простого. Ты практически мог бы увидеть его, едва выйдя на улицу из дверей отеля.

⁴ Известный голливудский актер.

– Ты не хочешь узнать, о чем мы беседовали с нашим адвокатом?

Но Томас уже ожесточенно жестикулировал, показывая руками направления прямо у меня перед носом.

– Ты пересекаешь рю де Монталамбер, минуешь треугольной формы тротуар и попадаешь на рю дю Бак. Там поворачиваешь направо и идешь прямо, пересекаешь рю де л'Юниверситэ, потом рю де Верней – я, кстати, не уверен, что произношу названия правильно, потому что в школе не занимался французским, – и видишь магазин, торгующий аппетитными булочками и хлебом, но ты идешь дальше через рю де Лилль, все время прямо...

– Мистер Пейтон сообщил, что по завещанию отца этот дом теперь принадлежит нам с тобой.

– ...и если согласишься в конце улицы, ты увидишь его. Я имею в виду Лувр. Хотя он все еще будет на противоположном от тебя берегу реки. Поэтому ты шагаешь дальше. Слева остается набережная Анатоля Франса, а справа – набережная Вольтера. Просто в том месте меняется название. Берешь чуть правее и переходишь через мост, он называется Пон-Руаяль. Как я понял, «пон» по-французски «мост». И стоит тебе оказаться на другом берегу, как ты уже на месте. Видишь, как все просто? Не нужно петлять и менять направления. Выходишь из отеля, поворачиваешь всего один раз – и, считай, ты достиг цели. А теперь давай разберемся с чем-нибудь посложнее. Назови мне отель в любой части Парижа, и я расскажу тебе, как до него добраться. Кратчайшим путем. Впрочем, порой в одно и то же место можно вроде бы попасть десятком разных маршрутов, но расстояние преодолеваешь примерно одинаковое. Как в Нью-Йорке. Хотя нет, на Нью-Йорк не похоже, потому что в Париже улицы повсюду. Он не делится на прямоугольные кварталы. Но ведь ты понял, что я хотел сказать?

– Томас, остановись ненадолго, – попросил я, начиная терять терпение.

Он посмотрел на меня, захлопав ресницами.

– Зачем?

– Нам нужно поговорить о папе.

– Папа умер, – произнес брат и окинул меня таким взглядом, словно сомневался в моих умственных способностях.

Но затем нечто похожее на печаль ненадолго исказило его лицо, и он посмотрел в сторону окна.

– Это я нашел его. Рядом с оврагом.

– Знаю.

– Ужин задерживался. Я все ждал, что отец постучит в дверь и скажет, что пора садиться за стол. Потом я действительно проголодался и спустился вниз узнать, что происходит. Сначала обошел дом. Даже в подвал заглянул. Думал, может, он там чинит печку или еще что. Но его там не оказалось. Автобус стоял на месте, значит, отец находился где-то поблизости. Так и не найдя его в доме, я вышел наружу. Проверил амбар.

Все это я уже слышал.

– Затем обошел вокруг дома и, подойдя к склону, увидел его, придавленного трактором.

– Мне это известно, Томас.

– Я столкнул трактор с него. Это было тяжело, но мне удалось. А папа так и не поднялся. Тогда я бросился в дом и позвонил в полицию. Они приехали и сказали, что он мертв.

– Знаю. Ты натерпелся страха.

– Он все еще там.

Да, трактор. Мне нужно было бы поднять его наверх и запереть в амбаре. Он так и остался у подножия холма. Я не знал, заведется ли мотор. Как я понял, топливо вытекло из бака, пока машина оставалась перевернутой. Впрочем, в амбаре всегда хранилась канистра с бензином.

– Есть вещи, которые нам необходимо обсудить с тобой, – произнес я. – Например, что мы будем делать теперь, когда папы нет, и все такое.

Томас кивнул.

– Я как раз подумал, – сказал он, – нельзя ли мне развесить карты на стенах в его спальне? У меня почти не осталось для них места. Я помню, что папа и мама строго запретили мне прикреплять их на первом этаже или на лестнице, но ведь его комната на втором этаже. Вот я и хотел спросить, как ты отнесешься к этому. Он ведь там больше не спит. И мамы тоже нет. Наверху вообще не спит никто.

Это было не совсем так. Пустовавшую прежде спальню рядом с комнатой Томаса поначалу занял я, поскольку мама всегда стелила мне там во время моих редких приездов. Но прошлой ночью я перебрался дальше по коридору, в бывшую спальню отца, потому что вынужден был слушать проникавшие через стену звуки щелчков «мыши», что скоро сделалось невыносимым. Я даже один раз поднялся среди ночи и попросил Томаса выключить компьютер, но он мою просьбу проигнорировал, и мне пришлось сменить комнату. Первое время я чувствовал себя не совсем уютно, ложась под одеяло отцовской кровати, но скоро перестал думать об этом. В эти дни я очень уставал, да и по натуре не слишком сентиментален.

– Ты не можешь жить в этом доме один, – заявил я.

– А разве я один? – возразил брат. – Ты ведь со мной.

– Наступит день, когда мне придется вернуться домой.

– Но ты же дома. Твой дом здесь.

– Это вовсе не мой дом, Томас. Я живу в Берлингтоне.

– Берлинтон, штат Вермонт, Берлингтон, штат Массачусетс, Берлингтон, штат Северная Каролина, Берлингтон, штат Нью-Джерси, Берлингтон, штат Вашингтон, Берлингтон в провинции Онтарио, Канада...

– Томас!

– Я просто не был уверен, известно ли тебе, как много есть других Берлингтонов. Следует выражаться точнее. Нужно говорить: Берлингтон, штат Вермонт, – иначе люди не поймут, где ты живешь.

– Мне казалось, что уж ты-то это знаешь. Но ты все равно хочешь, чтобы я так поступал? То есть каждый раз, сообщая тебе, что еду в Берлингтон, добавлял «штат Вермонт»? Тебе это нужно?

– Не сердись на меня!

– Я не сержусь. Но нам действительно необходимо обсудить нечто важное.

– Хорошо.

– Когда я вернусь к себе домой, то буду волноваться, потому что ты останешься здесь совсем один.

Томас улыбнулся, показывая, что беспокоиться не о чем.

– Со мной все будет в порядке.

– Но в этом доме всем занимался папа, – возразил я. – Готовил еду, делал уборку, оплачивал счета, ездил в город за продуктами, проверял исправность печи и вызывал мастеров, если случалась серьезная поломка. Все остальное он умел чинить сам. Если отрубалось электричество, отец спускался в подвал и переключал предохранители, чтобы снова дать свет. Ты знаешь, где находится щиток с предохранителями?

– Печка работает отлично, – пробормотал Томас.

– У тебя нет водительских прав, – продолжил я. – Как же ты собираешься снабжать себя продуктами?

– Буду заказывать доставку.

– Но ведь дом находится далеко. И потом, кто будет отбирать в магазине еду, которая тебе нравится?

– Ты знаешь, что мне нравится.

– Но меня же здесь не будет.

– Тогда ты сможешь приезжать. Хотя бы раз в неделю. Привозить мне еду, платить по счетам, проверять печку, а потом возвращаться в свой Берлингтон, – он сделал паузу, – штат Вермонт.

– А как насчет повседневных дел? Положим, у тебя даже есть продукты. Но сможешь ли ты хоть что-нибудь из них приготовить?

Томас отвел взгляд. Я протянул руку и дотронулся до его ладони.

– Посмотри на меня, – велел я.

С большой неохотой Томас повернулся ко мне.

– Ты никогда не думал, что если бы немного изменил свой образ жизни, то смог бы взять хотя бы часть всех этих хлопот на себя? – спросил я.

– О чем ты?

– О том, что тебе следует более рационально распределять свое время.

На его лице отразилось недоумение.

– Я прекрасно умею распределять свое время.

Положив теперь обе ладони поверх стола, я усмехнулся:

– Неужели?

– Да. Все свое время я провожу с пользой.

– Что ж, опиши мне, как проходит твой обычный день.

– Какой именно? Среди недели или выходной?

– А что, твое расписание с понедельника по пятницу сильно отличается от субботы и воскресенья?

Томас изобразил глубокую задумчивость, прежде чем ответить:

– Нет, наверное.

– Тогда подойдет любой из дней. Выбирай сам.

Теперь он уже посмотрел на меня с подозрением.

– Ты хочешь посмеяться надо мной? Решил подразнить?

– Но ты же сам сказал, что умеешь использовать свое время с умом. Так расскажи об этом.

– Ладно, – кивнул Томас. – Я просыпаюсь примерно в девять, принимаю душ, а в половине десятого у папы уже готов завтрак. Вскоре я могу браться за работу.

– Вот-вот, о работе! – воскликнул я. – Расскажи подробнее, чем ты занимаешься.

– Ты знаешь.

– Не припомню, чтобы раньше ты называл это работой. Рассказывай.

– Я начинаю работать после завтрака, затем делаю перерыв на обед, снова работаю до ужина, а потом опять работаю и ложусь спать.

– А ложишься ты часа в два-три ночи?

– Да.

– Ты не сообщил о сути своей работы.

– Зачем ты устраиваешь мне допрос, Рэй?

– Затем, наверное, что ты мог бы уделять своей работе, как ты это называешь, чуть меньше времени, и тогда у тебя появилась бы возможность немного позаботиться о себе. Ведь не секрет, Томас, что уже очень давно тебе приходится справляться с известными сложностями, которые продолжают тебя беспокоить. И я учитываю это так же, как все понимали наши родители. И по сравнению со множеством других людей, у которых та же проблема, что и у тебя, которые тоже слышат голоса и имеют прочие схожие симптомы, ты просто молодчина. Ты сам встаешь, сам одеваешься, и мы можем с тобой, как сейчас, сесть вместе и обо всем поговорить.

– Конечно, – произнес Томас с раздражением. – Я совершенно нормальный человек.

– Но то чрезмерное время, какое ты проводишь за своим... за своей работой, не позволяет тебе поддерживать порядок в доме и в собственной жизни, а если ты не способен на это, нам придется рассмотреть возможные варианты.

– О чем ты? Какие варианты?

– Например, о том, чтобы переселить тебя в другое место, – ответил я, тщательно подбирая слова. – Может, подыскать квартиру в городе. Или, – хотя, честно говоря, я еще только начал обдумывать это, – найти некое заведение, где ты станешь жить вместе с другими людьми, у которых такие же сложности, и где есть специальный персонал, берущий на себя все заботы, слишком обременительные для постояльцев.

– Почему ты твердишь о каких-то «сложностях»? Нет у меня никаких сложностей, Рэй. Я страдал когда-то психическим расстройством, но сейчас все полностью под контролем. Вот если бы ты болел, например, артритом, хотел бы ты слышать от меня постоянно, что у тебя «сложности» с костями?

– Прости, мне всего лишь хотелось...

– А место, где ты предлагаешь мне поселиться, – это больница? Сумасшедший дом?

– Я никогда не считал тебя сумасшедшим, Томас!

– Не хочу, чтобы меня отправили в больницу. Еда там отвратительная. – Он посмотрел на остатки говядины в моей тарелке. – Даже хуже этой. В больничной палате наверняка не будет возможности подключиться к Интернету.

– Никто не собирается помещать тебя в больницу. Но есть ведь дома, где жильцов окружают особым вниманием. Ты даже сможешь там сам для себя готовить еду. Я научу тебя, как это делать.

– Я не хочу уезжать отсюда, – заявил брат. – Здесь все мои вещи. И вся моя работа тоже тут.

– Но, Томас, за исключением всего лишь одного часа в сутки, все остальное время, когда не спишь, ты проводишь за компьютером, скитаясь по всему миру. И так день за днем, месяц за месяцем. Это очень вредно для тебя.

– Это началось совсем недавно. Еще пару лет назад у меня были только мои карты, атласы и глобус. «Уирл-360» не существовало. С сайтом все стало иначе. Мне теперь кажется, будто я ожидал появления чего-то подобного всю свою жизнь.

– Ты всегда был одержим картами, а теперь...

– Интересовался. Я всегда интересовался картами. Я ведь не говорю, что ты одержим рисунками, на которых люди выглядят глупыми. Мне тут попался на глаза в журнале твой Обама в белом халате и со стетоскопом, словно он доктор. И я сразу решил, что ты изобразил его глупым.

– Но в этом вся суть, – возразил я. – Я сделал шарж по желанию редакции журнала.

– Допустим. Но ты же не считаешь себя одержимым? И я тоже думаю, что просто у тебя работа такая.

Вообще-то обсуждать мы должны были не меня, и я продолжил:

– Эта новая технология, сайт «Уирл-360», к сожалению, ничуть не лучше повышенного интереса к картам. Ты бродишь по улицам городов всего мира, что, вынужден признать, весьма увлекательное занятие. Проблема же, Томас, заключается в том, что ты не делаешь ничего больше.

Он уперся взглядом в пол.

– Слышишь? Ты не выходишь из дома. Не встречаешься с людьми. Ничего не читаешь. Даже телевизор не смотришь. Ты не делаешь и этого.

– Там просто смотреть нечего, – сказал Томас. – Фильмы – один хуже другого. И в них делают столько ошибок! Заявляют, что действие происходит в Нью-Йорке, а ведь мне сразу видно, что снимали в Торонто, в Ванкувере или еще где-нибудь.

– Но ведь невозможно всю оставшуюся жизнь просидеть за компьютером, прощелкивая «мышью» одну улицу за другой, и так до бесконечности. Ты действительно хочешь увидеть мир? Тогда выбирай любой город. Я полечу с тобой в Токио. Покажу тебе Мумбаи. Или тебе интереснее Рим? Давай отправимся туда. Мы сядем за столик в каком-нибудь ресторанчике у фонтана Треви, ты закажешь себе пиццу или пасту, на десерт возьмешь джелато ⁵ и получишь удовольствие, какого не испытывал прежде. И сможешь увидеть живой город вместо статичных изображений на мониторе. У тебя будет возможность прикоснуться ко всему, почувствовать под кончиками пальцев древние камни Нотр-Дама, вдохнуть ароматы ночного рынка на Храмовой улице в Гонконге, послушать караоке в Токио. Только выбери место, и мы полетим туда вместе.

Томас бесстрастно посмотрел на меня.

– Нет, мне совсем этого не хочется. Меня и здесь все устраивает. Тут я не подхвачу какую-нибудь заразу, не потеряю свой багаж, не попаду в отель с клопами в матрасе, меня не ограбят бандиты, и я не заболею в стране, языка которой не знаю. К тому же у меня нет на это времени.

– То есть как нет времени?

– У меня нет времени, чтобы самому посетить каждый город. Отсюда я могу это сделать гораздо быстрее, чтобы закончить свою работу.

– Какую работу, Томас?

– Я не могу ответить тебе сразу. Мне необходимо сначала выяснить, вправе ли я ввести тебя в курс дела.

Я издал вздох, больше похожий на стон, и провел ладонью по волосам. Мной овладела усталость, и я решил сменить тему:

– Помнишь Джули Макгил из нашей школы?

– Да, – кивнул брат. – А что?

– Ничего. Просто она была на похоронах. Справлялась о тебе. Просила передать привет.

– Ну, так ты мне его передашь?

– Что? – не сразу понял я, но потом до меня дошло. – Привет тебе от Джули, Томас. Но если бы ты соизволил прийти в церковь, она сказала бы тебе это сама.

Брат пропустил мое замечание мимо ушей. Его отказ участвовать в похоронах до сих пор вызывал во мне глубочайшую досаду.

– Она училась в твоем классе?

– Нет, – ответил он. – Она была на год старше меня и на год младше тебя. Проживала по адресу: Арбор-стрит, дом 34. Это двухэтажный коттедж с входом посередине, двумя окнами по бокам и тремя окнами наверху. Стены покрашены в зеленый цвет. В правой стороне каминная труба. На почтовом ящике нарисованы цветочки. Джули всегда была ко мне добра. Она все еще красавица?

Я кивнул:

– Пожалуй. И волосы у нее по-прежнему темные, только теперь она носит короткую стрижку.

– А фигура такая же классная? – Томас спросил это без намека на флигельность, как если бы поинтересовался, водит ли она по-прежнему «субару».

– Да. А у тебя с ней... Между вами что-то было?

– Что именно? – Он действительно не понял вопроса.

– Вы с ней встречались?

– Нет.

Впрочем, я мог бы и сам догадаться. У Томаса никогда не было постоянной девушки, а на свидания он ходил всего несколько раз. Его странный, замкнутый характер мало способ-

⁵ Мороженое (*ит.*).

ствовал этому, и я вообще не был уверен, интересовали ли брата когда-нибудь всерьез представительницы прекрасного пола. В те годы, когда я сам еще прятал под кроватью известного рода журнальчики, Томас уже собирал свою необъятную коллекцию карт.

– Но она мне нравилась, – продолжил он. – А однажды спасла меня.

Я вскинул голову, пытаюсь припомнить, о чем речь.

– Ты имеешь в виду тот случай с братьями Лэндри?

Томас кивнул. Однажды он возвращался домой из школы, когда дорогу ему преградили Скайлер и Стэн Лэндри – двое местных драчунов с коэффициентами умственного развития, которые даже при сложении вместе давали цифру, близкую к нулю. Братья начали с издевок над привычкой Томаса иногда разговаривать в классе с самим собой, а потом уже пустили в ход кулаки, когда появилась Джули Макгил.

– И что же она сделала?

– Крикнула, чтобы они оставили меня в покое. Встала между ними и мной. Обозвала их трусами и еще одним словом.

– Каким?

– Мерзавцами.

– Теперь вспоминаю, – кивнул я.

– Было стыдно, что за меня заступилась девчонка. Но если бы она не пришла на помощь, меня бы тогда здорово отдубасили... У нас есть что-нибудь на десерт?

– Не знаю. Хотя, по-моему, я видел в морозильнике коробку с мороженым.

– Ты не мог бы принести мне немного наверх? Я просидел с тобой дольше, чем планировал, и мне пора возвращаться. – Он поднялся из-за стола.

– Да, конечно, – ответил я.

– Я там кое-что разглядел.

– Что именно?

– На мониторе. Думаю, тебе можно взглянуть. Для этого не требуется специальное разрешение или допуск. По крайней мере мне так кажется.

– Что же там?

– Тебе лучше посмотреть самому. На объяснение потребуется больше времени.

– Намекни хотя бы.

Но Томас был упрям.

– Посмотришь сам, когда принесешь мне мороженое.

5

Через пять минут я поднялся в комнату брата. Из коробки ванильного мороженого мне с трудом удалось выскрести остатки, которых хватило на одну небольшую порцию, но этого было достаточно, поскольку сам я уже не хотел ничего.

Как я теперь понимал, мне вообще не следовало рассчитывать, что смогу уговорить брата изменить образ жизни. Родители годами стремились сделать это, но безуспешно, и глупо с моей стороны полагать, будто я сумею добиться большего. Мой брат оставался верен себе. Он всегда жил так, и с годами оставалось все меньше надежды на какие-то перемены.

Первые признаки проявились достаточно рано, хотя не все сразу. Томас увлекся картами в шесть лет, и поначалу родители даже посчитали, что это хорошо. Когда у нас бывали гости, брат служил для родителей предметом гордости, и они демонстрировали его таланты, как другие хвалятся музыкальными способностями своего чада и просят сыграть на пианино для присутствующих что-нибудь из Брамса.

– Пожалуйста, выберите какую-нибудь страну, – обращался к гостям отец. – Любую страну мира.

Немного помявшись, поскольку им был не совсем ясен смысл происходившего, друзья семьи делали выбор. «Пусть это будет Аргентина», – говорили они, например. А потом Томас брал в руки карандаш, альбом и изображал страну на листе бумаги. Точками обозначал города и надписывал их названия. Схематично показывал сопредельные государства. И передавал свое произведение для всеобщего обозрения.

Проблема же часто заключалась в том, что гости сами не отличали Аргентину от Арканзаса и не могли оценить, насколько точна нарисованная Томасом карта, а потому отцу приходилось доставать с полки атлас, находить в нем Аргентину и восклицать:

– Нет, вы только полюбуитесь! Просто невероятно! Он даже указал город Мендоса именно там, где он и должен находиться. Этот мальчишка станет великим картографом, помните мое слово. Голову даю на отсечение!

Если Томасу не всегда нравилась роль домашнего фокусника, то виду он не подавал. В те дни мне самому он представлялся всего лишь как одаренный братишка. Не без странностей, излишне застенчивый, но внешне без каких-либо серьезных проблем.

Хотя проблемы дали о себе знать уже скоро.

Родители действительно гордились способностями Томаса. Мне же они порой досаждали. По крайней мере в те дни, когда мы всей семьей отправлялись на отдых. Мама укладывала в сумки необходимые вещи, отец загружал их в багажник, и мы отправлялись в путь, в сторону Атлантик-Сити, Флориды или Бостона. Мама плохо ориентировалась в пространстве и с трудом разбиралась в дорожных картах, которые бесплатно раздавали на каждой заправке, хотя блестяще умела складывать их потом в нужном порядке.

Читать карту приходилось отцу. А потому мне и сейчас смешно слышать, как опасно посылать в движении текстовые сообщения по мобильному телефону. Если бы уже существовали смартфоны, мой отец успел бы набрать на своем полный текст «Моби Дика», затратив те же усилия, что и на поиски объездного шоссе вокруг Буффало. Мама сворачивала ему карту до минимально возможных размеров, клала поверх руля, и папа заглядывал в нее каждые несколько секунд, пока мы мчались по просторам Америки.

Но так происходило до того, как Томасу исполнилось семь лет.

– Пап, давай, карту буду читать я, – однажды предложил он.

Отец пытался отмахнуться от него, но брат упорствовал. И тот, вероятно, подумал: ладно, тоже мне большое дело, пусть мальчишка считает, что приносит пользу. Но для Томаса это не

было игрой. Он не притворялся, будто прокладывает маршрут, подобно тому как некоторые дети, еще не умея читать, листают страницы и цитируют сказки по памяти.

Томасу достаточно было нескольких секунд, чтобы, подняв голову от карты, сказать:

– Держись на 90-й еще десять миль, а потом сворачивай к востоку на 22-ю.

– Дай-ка карту сюда, – проворчал отец и снова принялся изучать ее, положив на руль. –

Будь я проклят, а ведь парень прав! – воскликнул он.

Когда доходило до чтения карт, Томас оказывался прав всегда.

Я, впрочем, сделал попытку отобрать у него пальму первенства, решив, что как старший брат штурманом должен быть я. Меня мучила ревность, когда я слышал отца, обращавшегося за советом к Томасу.

Но папа сразу это пресек:

– Рэймонд! Оставь братишку в покое и дай ему заняться своим делом. Он у нас настоящий специалист.

Я бросил взгляд на маму, ища у нее поддержки, но она произнесла:

– Есть вещи, которые хорошо получаются у тебя, но карты лучше предоставить Томасу.

– А что хорошо получается у меня? – спросил я.

– Ты, например, хорошо рисуешь. Давай ты сделаешь зарисовки тех мест, где мы побываем во время поездки? Это будет интересно.

Я всегда ненавидел снисходительное отношение к себе. К тому же она прекрасно знала, что у нас есть фотоаппарат. Зачем мне рисовать туристические достопримечательности, которые можно было запросто снять на пленку? Кому это нужно? Оскорбленный в лучших чувствах, я достал коробку, где держал бумагу, карандаши, клей и небольшие ножнички, чтобы было чем заняться во время путешествия, вытащил оттуда нетронутый черный лист бумаги для аппликаций и подал ей со словами:

– Вот тебе Карлсбадские пещеры (мы побывали в том заповеднике днем раньше). Когда приедем домой, можешь повесить это в рамочку.

Что же касалось проблем с Томасом, то первый серьезный звонок прозвучал во время нашего летнего отдыха на юге Пенсильвании на курорте, располагавшемся примерно в полутора часах езды от Питсбурга. Это был старый и солидный пансионат, возведенный на склоне горы. Когда я вспоминаю его, он напоминает мне отель «Оверлук», каким его показали в фильме «Сияние» по Стивену Кингу. Странно, потому что там, конечно же, не изливались из лифтов потоки крови, в ваннах не находили трупы женщин, а по коридорам не разъезжал мальчик на трехколесном велосипеде. Зато там было поле для мини-гольфа и бассейн, по вечерам играли в бинго, а к полднику в четыре часа неизменно выставляли на террасе вазы с печеньем и лимонад. Мы весело провели там неделю, но больше всего нам запомнилось то, что случилось по дороге домой, когда отцу вздумалось отклониться от маршрута, заранее проложенного для него Томасом.

Он трудился над этим несколько дней, не отзываясь на призывы мамы пойти поплавать или поиграть в метание подков на точность. По его плану, нам следовало ехать на север по шоссе через Алтуну, и мы действительно двинулись в том направлении. Но маме захотелось посетить по пути Харрисберг, магазины которого славилась дешевыми распродажами. А это значило отклониться к востоку и сделать крюк в несколько миль.

– Вы не можете так поступить! – громко заявил Томас с заднего сиденья, когда до него дошел смысл разговора родителей. – Мы должны оставаться на шоссе!

– Просто маме хочется заглянуть в Харрисберг, Томас, – сказал отец. – Это ведь ни на что не повлияет, правда?

– Но я же всю неделю разрабатывал маршрут! – воскликнул брат, и в его глазах блеснули слезы.

– Тогда почему бы тебе не начать сейчас планировать, как нам добраться до дома из Харрисберга? – предложила мама. – По-моему, это будет интересно.

– Нет! Мы должны делать то, что велит нам карта!

– Послушай, сынок, мы ведь собираемся только...

– Нет!

– Рэй, не мог бы ты достать какую-нибудь игру и отвлечь братишку? Или почитай ему что-нибудь. Куда мы положили ваши книги?

Но Томас уже отстегнул ремень, встал на колени и начал биться головой в оконное стекло задней дверцы.

– Что за чертовщина?! – закричал отец.

Я протянул к Томасу руки, но он оттолкнул меня, продолжая биться лбом о стекло, на котором появилось пятно крови.

Папа резко свернул и остановил машину на обочине. Мама выпрыгнула наружу, чуть не потеряв равновесие, когда поскользнулась на гравии, и открыла заднюю дверцу. Она обняла Томаса, прижав к груди его разбитую и окровавленную голову.

– Все хорошо, – сказала она. – Мы поедем по шоссе. Вернемся домой той дорогой, какую выбрал ты.

Мне не нравилось заходить в комнату Томаса. Попадая в его мир, я чувствовал себя так же неудобно, как при виде залепленного картами коридора. Дискомфорт ощущался сильнее. Здесь карты не только покрывали все стены, но и были разбросаны по полу. Единственный ряд книжных полок занимали атласы, включая старое издание «Помощника водителя» для членов «Автомобильного клуба» в переплете на спирали (неужели кто-то еще мог им пользоваться?), картонные тубы с картами, заказанными Томасом через Интернет, сотни компьютерных распечаток карт, найденных в Сети, и спутниковые снимки городов, которые на первый взгляд казались мне незнакомыми.

Не сразу становилось понятным, где именно располагалась узкая кровать, полностью похороненная под слоями бумаги. Так могла выглядеть штаб-квартира Национального географического общества после налета вандалов. Я даже не пытался прикидывать, сколько правил противопожарной безопасности здесь было нарушено. Стоило лишь кому-то пройти в эту комнату через коридор с зажженной свечой, и дом сгорел бы дотла в считанные секунды.

Мне нужно было бы всерьез задуматься об этом.

Томас сидел за своим компьютером. Он работал на одной клавиатуре, но перед ним располагались сразу три плоских монитора, на каждый было выведено свое изображение. Однако, присмотревшись, я догадался, что это снимки одной и той же улицы – вид слева, по центру и справа. В верхнем углу каждого монитора отчетливо читался адрес сайта: whirl360.com.

Я не мог не признать, что этот сайт и мне представлялся потрясающим. Лет десять назад ничего подобного даже вообразить было невозможно.

Зайдя на сайт, вы, можно сказать, получали в свое распоряжение весь мир. Выбрав точку в любом месте планеты, видели ее сначала сверху, как традиционную карту или как снимок со спутника, словно сами зависали над этим местом высоко в небе. Затем изображение укрупнялось, и становились видны вентиляционные шахты на крышах небоскребов.

Уже интересно.

Но дальше начиналось самое любопытное. Щелкнув курсором по одной из улиц, вы видели ее. Так, будто сами сейчас стояли на ней. И с каждым новым щелчком «мыши» продвигались на несколько ярдов дальше. А нажав кнопку и удерживая ее, можно было поворачивать влево или вправо, а то и вовсе получить панорамный вид на триста шестьдесят градусов. Если что-нибудь в витрине магазина или ресторана привлекало ваше внимание, нужно было увеличить картинку и прочитать: «Специальное предложение! Печенка с луком всего за \$5.99».

Я и сам не брезговал временами заходить на этот сайт. Например, в прошлом году во время поездки в Торонто решил навестить старого приятеля, которого знал еще в колледже. Жил он к югу от Куинн-стрит в фешенебельном районе восточной части города. По электронной почте мы договорились, что я приеду к его дому, а потом мы пешком отправимся в расположенный поблизости итальянский ресторан.

Тогда я зашел на сайт «Уирл-360», прогулялся от его дома в сторону Куинн-стрит, а потом обследовал по паре кварталов в каждом направлении. Мне попались всего два ресторана. Оставалось лишь набрать их названия, выяснить, который из них рекламирует себя как итальянский, ознакомиться с выложенным меню, чтобы, еще не дойдя до места, удивить приятеля сообщением, что собираюсь заказать равиоли с начинкой из омара.

Вот почему мне легко было понять увлечение Томаса. Для таких, как он, появление подобной компьютерной технологии стало сказкой наяву. Это как если бы фанат сериала «Звездный путь» однажды проснулся и обнаружил, что попал на борт звездолета «Энтерпрайз».

Но улица, которую изучал сейчас Томас, была мне незнакома. Узкая, лишь с одной полосой для движения и правой стороной, отведенной для парковки машин. Мне показалось, что это где-то в Европе.

Я поставил тарелку с мороженым рядом с телефонным аппаратом. Родители провели Томасу отдельный провод еще в то время, когда связь с Интернетом была возможна только через телефон. Пока линия была в доме одна, Томас занимал ее много часов подряд, а папа с мамой не могли звонить сами и пропускали звонки друзей. Вторая линия сняла проблему, а с появлением беспроводного Интернета телефон оказался не нужен Томасу вообще. Если ему кто-то и звонил, то лишь назойливые торговцы.

Бросив взгляд на мороженое, он спросил:

– А шоколадного сиропа нет?

– Закончился, – ответил я, хотя на самом деле даже не пытался искать его. – Что за улица?

– Салем-стрит.

– А в каком городе?

– Это Бостон. Норт-Энд.

– А! Любопытно. Но мне почему-то показалось, что ты в последнее время днюешь и ночуешь в Париже.

– Я легок на подъем, – произнес Томас, и было непонятно, шутит он или говорит серьезно, но я все равно рассмеялся. – Не замечаешь ничего странного? – спросил брат.

Я пригляделся. По улице шли люди с несколько размытыми чертами лица, но, насколько я знал, сайты, подобные «Уирл-360», обязаны были скрывать лица, полностью попадавшие в кадр, как и номера автомобилей. Мне, разумеется, были видны машины и какие-то дорожные знаки, значения которых на большой дистанции я не мог разобрать.

– Нет, не замечаю.

– Тогда посмотри вот на этот внедорожник. – Томас ткнул пальцем. На правом мониторе действительно был виден джип.

– И что?

– Гляди, что натворил его владелец. Он сдавал назад и врезался в синюю машину, разбив ей фару.

– Ты можешь укрупнить изображение?

Томас дважды щелкнул «мышью». Изображение заднего бампера джипа и капота синего автомобиля заняло почти весь экран, но окончательно потеряло четкие очертания.

– Знаешь, а ведь ты, кажется, прав, – сказал я.

– Теперь и ты заметил, верно?

– Да. Значит, в тот момент, когда сотрудники «Уирл-360» проезжали мимо и выполняли съемку, им в кадр попал инцидент, когда парень сдавал назад и ударил соседнюю машину. Любопытно. Они сняли аварию, а ты ее сегодня разглядел на записи. Это все?

– Держу пари, водитель внедорожника даже не заметил, что наделал, – сказал Томас, поднося ко рту ложку с мороженым.

– Вероятно, – кивнул я. – Послушай, я собираюсь посмотреть телевизор. Не хочешь ко мне присоединиться? Закажем фильм или другую программу. Но чтобы место действия было подлинным и не раздражало тебя.

– Наш долг сообщить об аварии куда следует, – заявил брат. – Хозяин синей машины имеет право знать, кто причинил ему ущерб.

– Томас, во-первых, программа делает регистрационные номера нечитаемыми, а потому ты никак не сможешь установить личности владельцев джипа и синего автомобиля. А во-вторых, эту съемку улицы выложили на сайте несколько месяцев назад, если не год или даже больше. То есть речь идет о мелком дорожном происшествии, случившемся давно. Пострадавший наверняка уже починил фару. Он мог даже успеть продать машину. Мы ведь имеем дело не с передачей изображения в реальном времени. Это, наверное, очень старые кадры.

Томас насупился и молчал.

– Что такое? – спросил я. – Какая еще проблема не дает тебе покоя?

– Но надо же что-то предпринять. Нельзя оставить все как есть.

– Мы не можем ничего сделать. Пойми, это не то же самое, как если бы ты только что стал свидетелем наезда джипа на человека. И именно в этом твоя проблема, Томас. Ты слишком много времени проводишь здесь. Выходи хотя бы иногда. Спускайся вниз и посмотри со мной кино. Отец купил отличный телевизор с высоким разрешением. А сейчас он просто пылится без толку.

– Ты иди, – сказал он, – а я спущусь чуть позже. Выбери кино, и мы его посмотрим.

Я пошел в гостиную, включил телевизор, набрал на одном из пультов нужную комбинацию кнопок, чтобы соединиться с сервисом, и стал просматривать список вариантов.

И мне попался фильм, снятый всего два года назад в Новой Зеландии. Он назывался «Найди меня по карте».

«Вот повезло!» – подумал я и крикнул:

– Эй, Томас! Я нашел кино, оно тебе понравится. О человеке, который, как и ты, любит карты.

– Отлично! – отозвался он. – Только подожди еще минутку.

Но вниз брат так и не спустился. Через четверть часа я выключил телевизор, ничего не посмотрев сам, отправился в кухню и прикончил последние банки отцовского пива.

6

Девятью месяцами ранее Эллисон Фитч ровно на дюйм подняла голову от подушки, чтобы взглянуть на цифровые часы, встроенные в проигрыватель, стоящий у противоположной стены небольшой гостиной. Почти полдень. Она всегда помнила, что, возвращаясь домой после ночной работы, надо закрывать жалюзи на окнах и тогда солнечные лучи не разбудят ее слишком рано. Но полностью избавиться от их проникновения можно лишь густо закрасив окно черной краской либо купив по-настоящему плотные гардины.

Боже, какая же солнечная погода сегодня! И она натянула покрывало поверх головы.

В одном можно не сомневаться – сейчас она одна в квартире, которую снимает вместе с Кортни Уолмерс, занимающей спальню. Если только не повезет найти место с фиксированной муниципальной квартплатой, снимать собственное жилье в этом городе совершенно невозможно. И уж точно не на доходы официантки. Кортни работала в фирме на Уолл-стрит и убегала из дома около восьми часов утра. У Эллисон смена начиналась обычно не ранее пяти часов вечера. Они с Кортни встречались редко и очень недолго, только если той удавалось сбежать из конторы пораньше.

Эллисон надеялась, что сегодня этого не случится. Встречаться с Кортни у нее не было желания. Она уже знала, что соседке нужно с ней поговорить. То есть «очень серьезно поговорить», а Эллисон всеми способами пыталась увильнуть от беседы. Потому что ей была известна уже навязшая в зубах тема.

Деньги.

Речь всегда о деньгах. Ну, если не всегда, то в последнюю пару месяцев это все, что действительно интересовало Кортни. С тех пор как Эллисон перестала полностью вносить свою долю на оплату квартиры и прочих счетов, включая кабельное телевидение и подключение к Интернету. Кортни уже пригрозила отказаться от услуг провайдера, но Эллисон считала, что угроза не будет приведена в исполнение. Когда она находилась дома, Кортни сама часами торчала в «Фейс-буке», да и на работе тоже, как предполагала Эллисон. Непостижимо другое: почему эту бездельницу до сих пор не выставили за дверь ее коммерческой фирмы? По крайней мере у себя в баре Эллисон действительно трудилась. Причем вкалывала, можно сказать, до седьмого пота, обслуживая столики, имея дело с клиентами, среди которых полно кретингов, и постоянно конфликтуя с кухней, где не в состоянии выполнить правильно ни один заказ, ничуть не страшась даже увольнения.

О, уж сама Эллисон честно отработывала каждый свой цент! Но денег вечно не хватало. В последние три месяца ей удавалось вносить лишь половину из причитающейся с нее доли арендной платы. Да и продуктов она покупала мало. Приходилось постоянно обещать Кортни, что вернет ей долг при первой возможности.

А та лишь скептически усмехалась. Мол, твоими обещаниями сыта не будешь – выкладывая деньги, да поскорее. Ей платили намного больше, чем Эллисон, и за что, спрашивается? За то, что она целыми днями просиживала задницу в мягком кресле перед компьютером, заключала какие-то сделки и зарабатывала деньги для других. Впрочем, Эллисон не понимала и половины из того, чем на самом деле занималась соседка по квартире.

Но их отношения по-настоящему обострились после того, как пару месяцев назад Эллисон позвонила домой в Дейтон. В разговоре с мамой она пожаловалась, что Большое Яблоко⁶ не оправдало ее ожиданий.

– О, солнышко, тогда тебе лучше возвращаться домой, – сказала мама.

– Нет, назад я не вернусь.

⁶ Прозвище Нью-Йорка.

– А зря. Сейчас как раз «Таргету»⁷ требуются работники. Я видела объявление в газете.

– Я не собираюсь прозябать в Дейтоне за кассой «Таргета», – отрезала Эллисон.

– Ты с кем-то начала встречаться?

– Мама!

– Но я считала, что работа официантки как раз и даст тебе возможность познакомиться с интересными молодыми людьми.

– Мама, пожалуйста!

Ну зачем надо все всегда сводить к этому? Неужели матери до сих пор не ясно, почему она сбежала из Дейтона? Чтобы не слышать каждый день этих дурацких вопросов, вот почему!

– Ты не можешь сердиться на свою мамочку, которая только и мечтает о том, чтобы ее дочурка встретила хорошего парня. Ты же знаешь, как счастлива я была с твоим отцом. Мы вместе прожили лучшие годы жизни. А тебе уже тридцать один. Время уходит.

Нужно было бросить матери нечто вроде кости.

– Я завела здесь одно близкое знакомство, – произнесла Эллисон.

Ее задача облегчалась тем, что это, вообще говоря, было чистой правдой. Всегда легче придумать историю, если в ней заключена хотя бы частичка истины. Особенно когда история предназначена для ушей ее матери. Она действительно кое с кем сошлась и провела вместе некоторое время. Причем очень бурно. А началось все буквально с одного обмена взглядами.

Иногда двое смотрят друг на друга и все понимают без слов.

Эллисон моментально почувствовала, как поднялось настроение у ее собеседницы на другом конце провода.

– Кто он? – спросила мама, сгорая от любопытства. – Расскажи мне о нем.

– Пока рано, – остудила ее пыл Эллисон. – Мне еще нужно посмотреть, как все пойдет дальше. И если это всерьез, я дам тебе знать. Расскажу все откровенно. Но сейчас у меня есть заботы поважнее.

Так, силки расставлены.

– Какие заботы?

– Клиенты скупятся на чаевые. Деловая активность снижается. Люди все чаще предпочитают ужинать и выпивать дома. А тут еще эта беда со сломанным зубом.

– Сломанным зубом? О чем это ты?

– Разве я тебе не рассказывала?

Конечно, потому что придумала эту ложь на ходу.

– Нет, ты мне не сообщала. Что случилось с твоим зубом?

– Это все Элейн. Одна девица, которая со мной работает. Идиотка неуклюжая. Вообрази, она протискивалась мимо столиков с подносом, полным бокалов. И когда лавировала между этими придурками-банкирами...

– Элли!

– Извини. Так вот, ей пришлось поднять поднос как раз в тот момент, когда я подходила с другой стороны, и краем подноса она угодила мне прямо в рот. Напитки расплескались по всему бару, а я бросилась в дамскую комнату к зеркалу и увидела, что у меня не хватает части переднего зуба.

– О Боже милосердный! – воскликнула мать. – Какой ужас!

– Скол получился не очень большой, но каждый раз, проводя языком по зубу, я чувствовала острый край. Неприятное ощущение, знаешь ли. Пришлось пойти к стоматологу на Мэдисон-авеню, и он выполнил свою работу превосходно. Клянусь, ты теперь не заметишь места, где обломился зуб, даже через увеличительное стекло.

Вот уж в чем она нисколько не сомневалась.

⁷ Сеть универсальных магазинов в США.

– Это, наверное, обошлось в кругленькую сумму, – огорчилась мама.

– Увы, но страховка официантки не предусматривает оплату услуг дантиста, – произнесла Эллисон и рассмеялась. – Но ничего! Не волнуйся. Как-нибудь выкручусь. Кортни все понимает и знает, что ей придется подождать с моей долей платы за квартиру.

– Но, милая, нельзя так поступать со своей лучшей подругой и соседкой. Это нехорошо по отношению к ней. Я сейчас же достану чековую книжку.

В тот же день мама отправила ей по почте чек на тысячу долларов.

Когда Эллисон получила его, то сразу же положила деньги на свой счет, где значилась теперь общая сумма в тысячу четыреста двадцать один доллар и восемьдесят семь центов. Недостаточно, чтобы полностью рассчитаться с Кортни, но с этого хотя бы можно начать. Однако чем дольше разглядывала Эллисон выписку из банка, тем быстрее таяло ее желание отдавать деньги Кортни.

К тому же продолжить «знакомство», о котором она упомянула в разговоре с матерью, можно было через две недели на Барбадосе. Эллисон получила приглашение отправиться туда вместе, но поскольку об оплате связанных с этим расходов речь не заходила, она вынуждена была отказаться: «Извини, не могу себе этого позволить». Но с деньгами из дома за якобы сломанный зуб все могло получиться. И она оплатила недельный тур на Барбадос.

Заметив, как Эллисон собирает дорожную сумку в ожидании такси до аэропорта Джона Кеннеди, Кортни возмутилась:

– Ты издеваешься надо мной? Задолжала мне свыше двух штук баксов, но при этом у тебя хватает бабла на роскошный отдых! Как прикажешь это понимать?

– Я еду не на свои деньги, – ответила Эллисон. – Мне их дала мама.

– Прости, но не вижу разницы.

– Я пока не накопила достаточно из своей зарплаты, чтобы рассчитаться с тобой. Но я это непременно сделаю. А эти деньги мама прислала специально, чтобы я могла отдохнуть.

Для Эллисон все выглядело вполне логично. Но Кортни... Она порой так туго соображала! Даже трудно поверить, что работает в сфере финансов. Ведь достаточно немного напрячь мозги, чтобы понять.

– Я тебе не верю, – заявила Кортни. – Не верю ни одному твоему слову!

– Мне очень нужна эта поездка, – увещевала Эллисон. – Ты сама где только не успела побывать за последние три года. Летала в Мюнхен, помнишь? А потом прокатилась по Мексике. Да, и еще был Лондон, верно? Пяти месяцев не прошло, как ты вернулась оттуда. А я? Где все это время проторчала я?

– Какое отношение мои путешествия имеют к твоему долгу?

– Просто несправедливо, что ты имеешь возможность видеть мир, а я нет. Невероятно, до чего тебе не хватает иногда элементарной чуткости! Но мне пора. Мой самолет вылетает через три часа.

Пока Эллисон находилась на Барбадосе, Кортни буквально засыпала ее текстовыми сообщениями и электронными письмами, не уставая называть эгоистичной, эгоцентричной и самовлюбленной тварью. Она чуть не отравила ей отдых, потому что мобильный телефон Эллисон поминутно издавал звонки и прочие звуковые сигналы.

Но все равно поездка получилась чудесной.

Когда же Эллисон вернулась, Кортни с порога заявила, что собирается выставить ее из квартиры. Но Эллисон, во-первых, напонила ей, что сделать это не так легко, поскольку договор об аренде подписали они обе. А во-вторых, устроила целое представление на тему, что она скоро погасит свой долг перед ней, еще раз попросит денег у матери, придумает такую душещипательную историю, перед которой сердце матери дрогнет, и уже через неделю в почтовом ящике будет лежать присланный ею чек.

С тех прошла неделя. И вероятность, что чек пришел сегодня, равна нулю по той простой причине, что Эллисон даже не звонила маме с просьбой о деньгах. Она считала, что рано снова беспокоить мать после той истории с зубом. По ее прикидкам, даже если удастся изобрести подобную ловкую ложь, как в прошлый раз, ей нужно будет выждать неделю-другую.

Может, наплести что-нибудь о клопах? Сама мысль о них наводит на всех панику. Эллисон сообщит матери, будто в ее доме завелись клопы, что им с Кортни предложили переехать в гостиницу, пока люди из санитарного управления будут обрабатывать здание специальными химикатами, убивающими этих мелких чудовищ. А еще Эллисон велели сжечь всю свою одежду, поскольку насекомые могли притаиться в ее складках, и теперь ей придется купить новые тряпки.

Между тем мать Эллисон как раз сама посылала ей через компьютер страшные истории о клопах, которые попадают ей на глаза. Так что выдумка лишь подогреет ее страхи.

Деньги мать пришлет непременно, Эллисон не сомневается. А вот ей самой придется бить себя по рукам, чтобы не потратить их на другие цели, а передать Кортни в счет долга.

Лежавший на журнальном столике телефон Эллисон подал признаки жизни. Она выбралась из-под покрывала, догадываясь, что звонит Кортни, и ее первый порыв был – не отвечать на вызов. Но ей было хорошо известно, как упорно Кортни будет потом доставать ее, а потому протянула руку и взяла трубку:

– Слушаю!

– Неделя миновала, – раздался голос Кортни. – Деньги от твоей мамы уже поступили?

– Пока нет. То есть я, конечно, не проверяла сегодня почту, но не думаю, что чек пришел.

– В чем же дело, Эллисон?

– Послушай, если честно, то я ей не звонила. Все это время я старалась придумать для нее историю, которая сработает наверняка, и наконец придумала. Сегодня же я с ней свяжусь. Так что дня через три-четыре деньги придут. Точно.

– Никогда прежде я не встречала такую редкостную дрянь, как ты!

– Но я обещаю, что отдам тебе весь долг до последнего цента.

– И имей в виду. Мне плевать, что ты тоже подписала договор с домовладельцем. Если не рассчитаешься, то однажды придешь сюда и найдешь все свои дерьмовые пожитки на лестничной клетке. Кстати, я уже начала подыскивать для себя новую соседку.

– Господи, и какая же ты мне подруга после этого?

– Я плохая подруга? Интересно, как бы ты поступила на моем месте?

– Ладно, давай так. Если ровно через неделю, начиная с этого дня, я не отдам долг, тебе не придется выгонять меня. Я съеду сама, а ты станешь жить здесь, с кем тебе угодно.

– Через неделю? – усмехнулась Кортни.

– Готова дать любую клятву, целовать крест и все такое.

– Я – идиотка! Полная и законченная дура! – в сердцах воскликнула Кортни и отключила телефон.

Пытаться снова заснуть теперь совершенно бесполезно. Эллисон села, дотянулась до пульта управления и включила телевизор. Пока шел выпуск новостей, она снова взяла телефон, проверяя, нет ли электронной почты или сообщений в «Фейсбуке».

Да, она определенно позвонит сегодня матери, но позже. Сначала ей придется сесть за компьютер и поднабраться информации о клопах, чтобы добавить в свою историю больше убедительных подробностей. А ведь мама вполне может догадываться, что ее просто разводят на деньги, но для нее это все равно намного лучше, чем те ушедшие в прошлое времена, когда Эллисон просто исчезала. Пропадала на несколько месяцев, и все. А сейчас, пусть дочь и тянет из нее деньги, мать хотя бы знает, где она.

Эллисон смотрела то на экран телевизора, то на дисплей телефона. Слышала, что днем ожидаются проливные дожди, но к вечеру прояснится.

Открыв поисковик в своем мобильнике, она ввела слово «клоп». Ничего себе! Около миллиона ссылок! Эллисон сузила поиск, добавив «Нью-Йорк», но результат практически не изменился.

Она посмотрела на экран телевизора. Кто-то прыгнул под поезд подземки в районе Шестой авеню. Вернулась к телефону, размышляя, что ей стоило бы, вероятно, найти название реальной компании, уничтожающей насекомых-паразитов, которую мог бы нанять домовладелец, добавив в свою ложь маленький штришок правдоподобия.

Эллисон опять посмотрела на телеэкран и вдруг заметила знакомое лицо.

Что за чертовщина!

У нее отвисла челюсть, пока она слушала репортаж, который вел корреспондент, стоящий на тротуаре рядом с офисным зданием в центре города: «Один из наиболее вероятных претендентов на пост губернатора, Моррис Янгер, которого вы сейчас видите на наших кадрах вместе с женой Бриджит, считается приверженцем более жестких мер во имя торжества законности и порядка. Он не скрывает, что будет стремиться вернуть Америке ее утраченные ныне традиционные ценности. Это один из краеугольных камней его предвыборной платформы, хотя кандидату еще только предстоит объяснить своим избирателям, каким образом он будет добиваться поставленных целей, если сядет в губернаторское кресло. Ходят слухи, что Моррис Янгер пользуется негласной поддержкой многих влиятельных людей, включая одного из бывших вице-президентов США. А теперь я вновь передаю слово нашей студии...»

Эллисон выключила телевизор, пытаясь переварить информацию. Перед ее мысленным взором все еще стояли кадры, на которых супружеская пара вышла из черного лимузина, отвечая на приветствия собравшейся толпы, и скрылась в здании, где проходила какая-то конференция.

– Янгер? – прошептала Эллисон. – Политический деятель?

Она обхватила голову обеими руками, взъерошив пальцами свои черные, ниспадающие на плечи волосы, и издала протяжный вздох:

– Вот уж сюрприз так сюрприз!

Теперь Эллисон даже обрадовалась, что не успела позвонить матери, потому что у нее появился совершенно иной способ решить проблему своей временной неплатежеспособности.

7

– На сегодня у тебя назначена встреча с доктором Григорин, – сказал я, когда Томас заливал горячее молоко в свою миску с овсяными хлопьями. – Отец записал тебя на прием несколько недель назад.

– Мне вовсе не нужно встречаться с ней, Рэй, – отозвался он, избегая смотреть на меня.

– И все же я был бы признателен тебе, если бы ты к ней съездил со мной. Папа считал, что для тебя очень полезно иногда беседовать с ней.

– Но я не хочу никуда ехать, – упрямылся брат. – Меня ждет работа.

– Ты сможешь выполнить ее, когда вернешься. Я ведь знаю, что для тебя не проблема выйти из дома, когда необходимо. Но ты предпочитаешь не делать этого.

– Если бы существовала причина встретиться с доктором, я бы непременно поехал, Рэй. Но никакой причины нет.

Я взял кружку с кофе, поднес к губам и сделал глоток. Отец всегда держал дома только растворимый и на вкус не слишком приятный напиток, но по крайней мере в нем содержался хоть какой-то кофеин. Мне, правда, пришлось добавить вторую ложку сахарного песка.

– Причина как раз очень веская, Томас. Мы оба только что перенесли душевную травму. Потеряли отца. И если даже мне трудно пережить это, то тебе тяжело вдвойне. В том смысле, что ведь вы с ним долго жили вместе.

– Он на меня часто злился, – произнес Томас.

– За что же?

– Ему все время нужно было заставлять меня делать то, чего мне не хотелось. – Он исподлобья бросил взгляд на меня. – Как сейчас поступаешь ты.

– Но папа никогда не злился на тебя всерьез, – возразил я. – Может, иногда раздражался, но не сердился по-настоящему.

– Вероятно, – пожал плечами брат. – Ему тоже не нравилось, что я весь день провожу в своей комнате. Он требовал, чтобы я выходил почаще. Никак не мог понять, насколько сильно я занят.

– Но это очень вредно для здоровья. Тебе необходим свежий воздух. И я уверен, Томас, что в глубине души ты понимаешь – это превращается в проблему, когда твое увлечение не позволяет тебе даже прийти на похороны отца.

– В тот день мне необходимо было побывать в Мельбурне.

– Томас! Тебе не нужен был ни Мельбурн, ни Москва, ни Мюнхен, ни Монреаль! Ты должен был присутствовать на папиных похоронах.

Я знал, что поступаю неверно, обвиняя брата в неуважении к памяти отца. Он просто ничего не мог с собой поделать. Я пожалел о своих словах. Ведь ругать Томаса за неспособность преодолеть свою болезненную одержимость означало отчитывать слепого за то, что он не видит, куда идет.

– Прости меня, – тихо произнес я.

Томас ничего не сказал, и мы оба замолчали. Вскоре я все-таки нарушил тишину:

– И все же мне кажется важным, чтобы в то время, пока я разбираюсь с остальными проблемами, ты посетил доктора Григорин. Я и сам хотел бы с ней поговорить.

Брат с любопытством посмотрел на меня.

– У тебя тоже возникли сложности?

– Что?

– Точно! Ты должен с ней поговорить. Она и тебе поможет.

– Мне? – удивился я. – В чем?

– Справиться с необходимостью контролировать других людей. Она пропишет тебе что-нибудь от этого. Она дает мне лекарство, помогающее избавляться от голосов. Вот и тебе выпишет какой-нибудь рецепт.

– Неплохая мысль.

– Можешь отправляться к ней сам. А когда вернешься, расскажешь, что она думает о тебе.

– Нет, мы поедem к ней вместе.

Брат облизнул губы, стал сжимать и разжимать кулаки. У него пересохло во рту. Охватившее его волнение становилось все заметнее.

– Она будет ждать нас в одиннадцать, – напомнил я.

– Одиннадцать, одиннадцать, одиннадцать, – повторил он, закатив глаза и словно стараясь припомнить, какие еще дела в его ежедневнике могут быть назначены на этот час.

– Уверен, ты в это время свободен, – сказал я. – Нам нужно будет выехать из дома в десять тридцать.

Брат поднялся со стула, отнес свою миску к раковине и принялся споласкивать ее. Обычно он оставлял грязную посуду мне, так что нетрудно было сообразить, до какой степени ему не хотелось продолжать разговор.

– Не пытайся увильнуть, Томас!

– Но у меня действительно много работы, – произнес он, направляясь к двери из кухни. – Ты просто не понимаешь, насколько она важна.

– По дороге я разрешу тебе пользоваться джи-пи-эс.

Брат замер на месте.

– У тебя есть навигатор?

– Встроенный в приборную панель.

Он посмотрел на стенной шкаф рядом с входной дверью, где висела его верхняя одежда.

– Тогда поехали прямо сейчас.

– Еще только половина девятого. Мне не хочется два часа просидеть в приемной врача.

Томас задумался.

– Хорошо, я буду готов к десяти тридцати. Но ты должен обещать, что тоже согласишься с доктором свое поведение.

– Даю слово, – сказал я.

Когда Томас поднялся наверх, я закончил уборку кухни и решил, что пора завершить давно ожидавшее меня дело. Выйдя через черный ход, я пересек задний двор, траву на котором не постригали уже неделю, и ее не помешало бы подровнять. В том месте, где начинался склон в сторону оврага, я остановился.

Как я и описывал Гарри Пейтону, склон был действительно крутой. На такой поверхности, если уж вам хотелось подрезать траву, лучше это было делать ручной машинкой, а то и обыкновенной косой. Случись инструменту выпасть из ваших рук, то в самом худшем случае он бы просто соскользнул вниз и упал в воду.

Впрочем, большинство владельцев подобных участков наверняка предпочли бы держать ухоженной лишь плоскую часть заднего двора до гребня холма, позволив склону буйно порости травой. Отец же упрямо стремился содержать в порядке все пространство позади дома до самой реки. Тот факт, что жилище семейства Килбрайд располагалось высоко над расщелиной, по которой протекала река, не давал ему права считаться домом на берегу, но отцу, вероятно, очень хотелось максимально приблизить его к этому определению. А потому он еженедельно – весной, летом и осенью – обрабатывал склон наряду с остальными газонами.

Мне запомнилась беседа с мамой по телефону примерно за год до ее смерти, когда она просила меня отговорить отца косить траву вдоль склона на тракторе, отклоняясь всем телом в сторону, чтобы создать противовес и не дать машине опрокинуться.

– Так он однажды убьется, – волновалась она.

– Не беспокойся, мама. Отец знает, что делает.

– Ох уж эти мужчины, – разочарованно вздохнула она. – Я уже просила вразумить его Лена и Гарри, но оба ответили мне так же, как ты.

Как выяснилось, все мы – мужчины – оказались не правы.

Трактор с зеленым капотом, крыльями и ярко-желтым сиденьем стоял как ни чем не бывало у подножия холма. Правда, капот чуть приоткрылся, обнажив двигатель, а верхние части задних крыльев погнулись и поцарапались. Руль же сильно искривился.

Как я понимал ситуацию, трактор перевернулся только один раз, придавив отца. Когда прибежал Томас, сдвинуть трактор вверх он не мог. Одному это было не под силу. А потому брат толкнул машину вниз, и она, перевернувшись раза два или три, встала на все четыре колеса у самого берега.

И оставалась в том же положении все это время.

Я стал осторожно спускаться. Найти место, где все произошло, оказалось просто. В начале склона трава достигала примерно трех дюймов, а потом начиналась полоса высотой дюймов в пять. К тому же дерн был взрыхлен до земли, где лезвия косилки вгрызлись в него при опрокидывании.

С первого взгляда было трудно понять, удастся ли мне вернуть трактор под крышу амбара. Мотор мог получить повреждения, а топливо полностью вылиться из бака. Велика была вероятность, что сел аккумулятор.

Я перебросил через сиденье ногу, а затем уселся на него. Мне стало неуютно при мысли, что я оказался первым, кто забрался сюда после гибели отца. Ключ все еще торчал в замке зажигания, но оно было выключено. Я попытался поднять режущую панель косилки, которую нужно предварительно опустить, прежде чем браться за работу, но заметил, что она уже поднята.

Вытащив до упора ручку подсоса, я нажал на педаль газа и повернул ключ. Мотор несколько раз чихнул, выбрасывая из выхлопной трубы облачка черного дыма, но потом эта дьявольская машина с ревом завелась. Я убрал подсос, ослабил нажим на акселератор, выжал сцепление и включил самую низкую передачу, чтобы выехать на ней к вершине холма.

Пока трактор медленно полз вверх, я поневоле затаил дыхание.

Преодолев гребень, я направил трактор к амбару, загнал его внутрь, задвинул за собой ворота и вернулся в дом.

Томас сидел внизу в полной готовности уже к десяти часам. На нем были рубашка в синюю клетку, оливкового оттенка брюки, черные ботинки, белые носки и куртка-ветровка, цветом напоминавшая те, какие выдают дорожным рабочим.

– Где ты это взял? – поинтересовался я. – Тебе поручали переводить первоклассников через улицу?

– Вовсе нет, – ответил он. – Ты же знаешь, я бы ни за что не взялся за такую работу. Мне не нравятся маленькие дети.

– Так все же откуда у тебя эта куртка?

– Однажды папа взял меня с собой в «Уол-март», чтобы я мог посмотреть, какие у них есть карты и атласы. Там я увидел куртку на вешалке. И он купил ее мне.

– Она слишком яркая, – заметил я.

– Ты готов ехать?

– Вообще-то еще рано.

– А я думаю, нам пора выезжать.

– Хорошо. – Я снял с крючка свою гораздо менее броскую спортивную куртку и натянул на себя.

Мы вышли на крыльцо, и я запер на ключ входную дверь. Я предполагал, что Томас ненадолго задержится тут, чтобы почувствовать себя увереннее вне стен дома. Несмотря на солнечную погоду, дул прохладный ветерок, хотя день выдался погожий. Но вопреки моим ожиданиям Томас направился к «ауди» и принялся дергать ручку дверцы с противоположной от водителя стороны.

– Заперто, – констатировал он.

– Одну секунду. – Я достал из кармана ключи с пультом, направил его в сторону машины и нажал кнопку.

Томас сразу запрыгнул в салон, пристегнулся и с нетерпением наблюдал, как я неспешно обогнул автомобиль, сел за руль, перетянулся ремнем безопасности и включил зажигание. Панель приборов, позволявших водителю отслеживать десятки различных параметров работы машины, включая и навигацию, засияла огнями.

– Значит, чтобы воспользоваться джи-пи-эс, надо...

– Я сам разберусь! – перебил меня Томас и принялся вращать ручки, прикасаясь к дисплею. – Если мне нужно ввести адрес...

– Видишь эту штуковину? Ты просто...

– Понял, понял! Сначала указываем название города, так? – Он набрал слово «Маклин».

– Зачем тебе? – спросил я, поскольку брат знал, что приемная доктора Григорин находилась в Промис-Фоллзе.

– Мне просто хотелось посмотреть, какой маршрут это устройство выберет до Маклина в штате Виргиния.

– Зачем тебе понадобилась Виргиния? – удивился я. – Она в сотнях миль отсюда. Нам туда ехать целый день. А до врача всего десять минут.

– Я же не собираюсь действительно ехать туда. У меня там не назначено никаких встреч и нет других дел. Но мне любопытно, сумеет ли прибор выдать наилучший маршрут.

Томас внимательно изучал дисплей, причем увиденное как будто немного его расстроило.

– Отлично, – произнес он. – Теперь я введу координаты приемной врача. Так, Пеннингтон-стрит, дом 2654, кабинет 304.

– Тебе не нужно вводить номер кабинета. Мы же не почту ей отправляем. Мы к ней едем. Брат отвернулся от навигатора и пристально посмотрел на меня.

– Считаешь меня тупым?

Задай этот вопрос кто-нибудь другой, он, наверное, прозвучал бы саркастически или даже враждебно. Но Томаса, похоже, это действительно интересовало.

– Нет, что ты! – возразил я. – Извини, если ты так это воспринял.

– Для тебя я и одеваюсь глупо. Я заметил. Ты насмеялся над моей курткой. А теперь думаешь, что у меня ума не хватит справиться с этой штуковиной.

– Да нет же... То есть, конечно, с моей точки зрения, твоя курточка чуть ярче, чем следовало. Но я вовсе не считаю тебя глупым. А в маршрутах ты вообще разбираешься прекрасно. Давай вводи адрес доктора.

Томас ввел его и выждал несколько секунд, пока система производила расчеты.

«Следуйте по выделенному маршруту», – раздался механический компьютерный голос.

– Это Мария, – сообщил я, направляя машину вниз по подъездной дорожке.

– Кто?

– Так я называю женский голос своего бортового компьютера. Мария.

– А почему Мария?

– Мне показалось, что это имя подходит. Хотя, наверное, следовало бы назвать ее Греттен или Хейди. Но мне нравится Мария.

Когда я выруливал на шоссе, Томас продолжал смотреть на дисплей. Он и дальше практически не отводил от него взгляда.

– Проезжаем мимо Миллерс-лейн, – сказал он.

– Чтобы это выяснить, достаточно выглянуть в окно, – заметил я. – Можно тебя кое о чем спросить?

– Да.

– Как ты обнаружил папу? Для тебя не проблема вспоминать об этом?

– Эта красная линия... – Брат ткнул в дисплей пальцем. – Она и есть маршрут, который нам указывает прибор?

– Да. Так ты не возражаешь, если я задам тебе вопрос о том, как ты нашел папу?

– Что ты хочешь узнать?

– До или после того, как ты столкнул с него трактор, ты трогал какие-нибудь ручки или кнопки управления?

– Какие, например?

– Ключ зажигания или рукоятку, поднимающую лезвия.

– Нет. Я вообще не умею управлять трактором. Отец никогда не разрешал мне пользоваться им. Но твой компьютер ошибается. – Пока мы разговаривали, Томас неотрывно смотрел на дисплей.

– Значит, ты ничего не трогал?

– Ничего.

– А когда приехала «скорая» и полиция? Может, кто-либо из них копался в машине?

– Нет, они занимались только папой. Я не видел, чтобы полицейские вообще подходили к трактору. Вероятно, они возвращались позднее.

– Но ведь его не сдвигали с места всю неделю, – произнес я. – Он простоял на берегу в одном месте.

– Ты слышал, что я сказал?

– Что?

– Эта штука врет. – Брат смотрел на дисплей.

– Врет?

– Я о маршруте. Он неправильный.

«Через триста ярдов поверните направо».

– Мария ошибается.

– Неужели?

– Она направляет тебя не тем путем. Есть более короткий.

– Иногда это с ней случается. Просто она обычно выбирает самые известные дороги. А есть новые шоссе, которые не успели заложить в программу. Не беспокойся. Воспринимай Марию как советчика, а потом сам решай, следовать ее советам или нет.

– Значит, ей не надо давать нам советы, если она сама не знает, что делает. – Томас принялся нажимать все кнопки подряд. – Как ей объяснить, что она ошибается?

– Чего не знаю, того не знаю...

«Через сто ярдов поверните направо».

– Нет! – крикнул Томас прямо в дисплей. – Если мы поедем по ее маршруту, то попадем на Саратога-стрит. А я не хочу на Саратога-стрит.

– Да какая тебе разница?

– Я не хочу ехать этим путем, вот и все!

– Хорошо, просто скажи сам, какой дороги мне держаться, – попытался отшутиться я. – А Мария пусть добирается автостопом.

Томас сказал, что нам надо двигаться по Мэйн-стрит. Я согласился, поскольку по расстоянию это было практически одно и то же. Когда мы проскочили поворот на Саратога-стрит, я проигнорировал совет Марии немедленно развернуться. Когда же я проехал еще немного вперед, компьютер вычислил маршрут заново, но все равно упрямо советовал вернуться на Саратога-стрит.

– Заткнись! – прикрикнул на Марию Томас, но она продолжила: «Через триста ярдов поверните налево». – Невероятно! – нервно воскликнул брат. – Заглуши ее. Пусть перестанет подсказывать.

И он принялся стучать ладонью по приборной панели, как отец многие годы назад стучал по старому телевизору, когда начинала барахлить развертка по горизонтали.

– Просто отмени выбранный адрес, – произнес я. – Нажми вот эту кнопку.

Но Томас, которому легко удалось ввести данные, растерялся, когда понадобилось что-то изменить.

«Поверните направо».

– Нет! Мы не станем этого делать! – крикнул он, обращаясь к прибору.

Я протянул руку, щелкнул кнопкой и отключил навигатор.

– Все, – сказал я. – Теперь она нас не побеспокоит.

Томас откинулся на кожаную спинку сиденья и несколько раз глубоко вздохнул. А потом посмотрел на меня и заявил:

– На твоём месте я бы избавился от этого автомобиля.

8

Поскольку других игрушек, кроме джи-пи-эс, в моем автомобиле не наблюдалось, брат нахмурился и потребовал, чтобы мы развернулись и отправились домой. Но на сей раз я проявил твердость, напомнив, что, если доктор нас ждет, нам непременно следует попасть на прием.

Томас вошел в кабинет доктора Григорин, а я устроился на стуле в приемной. Своей очереди здесь дожидалась еще одна пациентка – худая женщина лет тридцати с длинными, растрепанными светлыми волосами, прядь которых она периодически наматывала себе на указательный палец. При этом она почти не сводила заинтересованного взгляда с какой-то точки на стене, словно там сидел паук и его могла видеть только она.

Я взглянул на часы, понял, что располагаю временем, и вышел в коридор. Достав мобильник, я сначала узнал через Интернет номер, а потом набрал его.

– Редакция «Промис-Фоллз стандарт», – услышал я женский голос с автоответчика. – Если вам известен добавочный, введите его. Чтобы соединиться со справочником телефонов редакции, нажмите «два».

После нескольких манипуляций я услышал в трубке гудки нормального вызова.

– Джули Макгил. Слушаю вас.

– Привет, Джули. Это Рэй Килбрайд.

– Здравствуй, Рэй! Как поживаешь?

– В общем, неплохо. Слушай, мне кажется, я позвонил в неудачный момент, или ошибаюсь?

– Просто жду другого звонка, – сказала Джули. – Я думала, это директор школы Промис-Фоллз. Он обещал рассказать о небольшом взрыве, случившемся в их химической лаборатории.

– Господи Иисусе!

– Ничего страшного. Жертв нет, хотя могли быть. Чем могу тебе помочь?

– Прежде всего хотел поблагодарить, что пришла на папины похороны. Это было очень любезно с твоей стороны.

– Не стоит благодарности.

– А еще я хотел узнать, не найдется ли у тебя минутки, чтобы выпить со мной по чашке кофе. Хотел задать тебе пару вопросов об отце, поскольку ты написала о нем в газете.

– О, это была всего лишь заметка. Каких-либо подробностей я не знаю.

По ее тону было понятно, что она опасается пропустить другой звонок, а потому я уже собирался извиниться, что отнял у нее время, и отключить телефон, когда Джули добавила:

– Но разумеется, я охотно встречу с тобой. Почему бы тебе не приехать сюда часам к четырем? Возьмем по пиву. Встретимся у входа в редакцию.

– Да, конечно, это будет...

– Пока, – произнесла она и повесила трубку.

Когда я вернулся в приемную, доктор и Томас выходили из кабинета. На прощание она сказала ему:

– Не будьте таким букой. Вам нужно приезжать ко мне почаще. Нам необходимо продолжать наши беседы.

– А с ним вы тоже поговорите, как обещали? – Томас указал на меня.

– Непременно.

– Скажите, чтобы перестал указывать мне, что я должен делать.

– Обязательно.

Доктора Лору Григорин природа наделила копной непослушных рыжих волос, которые бы разметались по плечам, если бы она не стягивала их сзади в тугий пучок. Рост ее едва достигал пяти футов и четырех дюймов, причем каблуки добавляли не менее трех дюймов. Хотя ей перевалило за шестьдесят, она все еще оставалась достаточно привлекательной женщиной, которая никогда не одевалась как врач. Вот и сегодня ней была красная блузка и прямая черная юбка, лишь едва прикрывавшая колени.

– Мистер Килбрайд, – обратилась она ко мне, – прошу в мой кабинет.

– Рэй, – произнес я. – Зовите меня просто Рэй.

Она попросила Томаса подождать в приемной, пока будет проводить сеанс со мной.

– Мне строго наказано прописать вам какое-нибудь лекарство, – с улыбкой произнесла доктор, жестом приглашая сесть в кресло. Причем сама не заняла место за рабочим столом, а пристроилась напротив меня, перекинув ногу на ногу. У нее были красивые ноги.

– Чтобы обуздать мое нездоровое стремление манипулировать людьми? – предположил я.

– Именно так.

Мне понравилась ее улыбка, обнажавшая чуть заметную щербинку между передними зубами.

– Какое впечатление он на вас производит? – спросила она.

– Трудно сказать. Я догадываюсь, что смерть нашего отца не могла не потрясти Томаса, но он это скрывает.

– Я тоже заметила, что он расстроен, хотя старается держать все в себе.

– Но только не с Марией!

– Кто такая Мария?

Я объяснил, и доктор Григорин покачала головой:

– Вашего отца очень тревожило, как много времени отнимает у Томаса его увлечение картами. Томас же заявил мне, что стал в последнее время заниматься этим значительно меньше и теперь смотрит с вами кино по телевизору.

– Он солгал вам. Вы ведь поняли, к чему мне пришлось прибегнуть сегодня, чтобы выманить Томаса из дома и заставить приехать сюда. Его очень трудно уговорить оторваться от того, что он называет работой.

– А Томас посвятил вас в ее суть?

– Не уверен, что в этом есть необходимость, – ответил я. – Сейчас, например, ему просто нравится изучать города мира через сайт в Интернете. Это его новый «конек». – Я усмехнулся. – Хотя он тут как-то обмолвился, что мне нужно получить специальный допуск, чтобы узнать, над чем он на самом деле трудится.

Доктор Григорин кивнула:

– Томас разрешил мне информировать вас о своей миссии.

Я чуть подался вперед в своем кресле.

– Миссии? Что это значит?

– Он считает, что работает на ЦРУ. Консультирует их.

– Простите, не понял, на кого он работает? На Центральное разведывательное управление?

– Именно так.

– Но каким же образом? Что он вбил себе в голову? Чем конкретно, по его мнению, он может им помочь?

– Все это достаточно сложно и запутанно. У него, конечно, концы с концами не сходятся, как бывает во многих снах, когда одно видение обрывается и начинается другое. Прежде всего Томас ожидает, что случится некая огромных масштабов катастрофа, нечто вроде взрыва или диверсии в электронных сетях. Вероятно, он имеет в виду глобальный сбой в работе компьютеров. Намекает, что за этим может стоять иностранная держава, которая разрабатывает новый

и очень мощный компьютерный вирус. Тот лишит США возможности эффективно вести сбор разведданных.

– Господи!

– А когда это произойдет, в числе первых будут уничтожены компьютерные карты. В одно мгновение они исчезнут. Все сотрудники разведывательного сообщества, которые нуждаются в таких картах, окажутся беспомощными, потому что в свое время им приказали сократить расходы на бумагу...

Заметив мое удивление, доктор Григорин улыбнулась:

– Да, да, речь о сокращении бюджетных расходов. Оно затронуло теперь даже шизофренические иллюзии. – Она смутилась, почувствовав, что употребила слишком сильное выражение. – Короче говоря, в распоряжении правительства не осталось якобы уже ни одной карты, отпечатанной обычным типографским способом.

Для человека, знавшего Томаса так хорошо, как я, все это начинало приобретать некий смысл. Извращенный, но смысл.

– И что же произойдет дальше? – продолжила Лора Григорин. – К кому, как вы думаете, они обратятся за помощью?

– Нетрудно догадаться.

Она кивнула.

– А Томас сможет по памяти начертить для них планы чуть ли не всех городов мира. Они у него вот здесь. – Она постучала указательным пальцем по виску.

– Но старые карты все равно никуда не денутся! – воскликнул я. – Они останутся в библиотеках, в домах людей, в миллионах экземпляров школьных атласов, наконец.

– Вы, разумеется, пытаетесь мыслить логически, – усмехнулась доктор Григорин. – Но в апокалипсических видениях вашего брата все это уже было уничтожено. Библиотеки повсеместно отправили старые карты на свалку, сменив их цифровыми версиями. А население сдало в макулатуру вместе со старыми газетами и пользуется исключительно компьютерами. Вот, собственно, почему это и станет поистине невероятным бедствием. Мир останется вообще без карт, и единственным человеком, который сумеет восстановить их, окажется Томас. Причем не только карты, но и внешний вид улиц, перекрестков, даже фасадов отдельных домов.

Я лишь развел руками.

– Значит, он считает, что, если это произойдет, он должен быть готов?

– Никаких «если», – сказала доктор Григорин. – Он уверен, что это непременно случится. Вот почему он все время проводит в своей комнате, перемещаясь по миру и стараясь зафиксировать в памяти как можно больше информации до того, как грянет катаклизм. Несколько лет назад у меня был один пациент, он работал в газете, издающейся в Буффало. Каждый вечер, уходя домой, он прихватывал с собой несколько номеров своего издания, поскольку пребывал в уверенности, что однажды редакция сгорит дотла, а он останется единственным, у кого будет храниться архив – по крайней мере за тот период, что он там проработал.

– Невероятно!

– В его доме каждая комната, каждый коридор, каждый свободный угол были заполнены кипами газет. Чтобы перемещаться по квартире, ему приходилось буквально протискиваться мимо них.

– Похоже на персонажа одного комического сериала, – заметил я.

– Комического? Едва ли, – возразила Лора. – Дело в том, что здание редакции действительно сгорело.

У меня отвисла челюсть.

– Не может быть!

– Еще как может! А потом у него дома нашли канистру из-под бензина, которая и стала причиной возгорания.

Ее история на какое-то время повергла меня в шок, но вскоре я расслабился и рассмеялся.

– Вы же не можете всерьез предполагать, будто Томас способен сам запустить вирус, уничтожающий компьютерные карты? Это было бы чересчур даже для него.

– Нет, конечно. Эту историю я рассказала вам, чтобы вы поняли: навязчивая идея вашего брата хотя и большая редкость, но далеко не уникальна. Разница лишь в нюансах.

– Боже мой! – Мне в голову вдруг пришла неприятная мысль. – Маклин...

– О чем вы?

– Это ведь рядом со штаб-квартирой ЦРУ? Томас хотел запрограммировать маршрут поездки туда через систему джи-пи-эс в моей машине, но передумал. Вероятно, потому, что я еще не получил допуска. Но теперь, когда брат разрешил вам сообщить мне, чем он занимается, я, видимо, включен в круг посвященных.

– Брат вам доверяет, а это большой плюс. Больные шизофренией часто перестают верить даже самым близким людям. Они всех боятся. Но я упомянула вначале, что у Томаса все сложно и запутанно.

– Да, припоминаю.

– Так вот, пока глобальной катастрофы с картами не случилось, Томас ожидает, что ЦРУ может обратиться к нему за помощью в других делах. Приведу пример. Предположим, их агент попал в беду где-нибудь в Каракасе или ином месте. Враги охотятся за ним, ему надо бежать, но он не знает, куда и как. Тогда из ЦРУ звонят Томасу, и он подсказывает им наилучший маршрут побега, причем делает это быстрее, чем любой компьютер.

– Вот в это мне легко поверить, – заметил я, проводя ладонью по волосам от лба к затылку.

– Томас часто упоминал именно о путях побега, о помощи людям, угодившим в засаду или какую-либо вражескую ловушку.

Я покачал головой, пытаюсь вообразить, что происходит в мозгу у моего бедного брата.

– А еще правительства разных стран могут прибегнуть к его услугам в случае иного рода катастроф. Как природных, так и прочих. Подумайте обо всех торнадо, пронесшихся над США в последнее время, землетрясениях в Крайстчерче, на Гаити, цунами в Японии. Порой целые населенные пункты оказываются сметенными с лица Земли, уничтоженными навсегда. Или, не дай Бог, повторится 11 сентября 2001 года. Спасатели смогут связаться с Томасом, и он подскажет им, где что находилось, в каком месте им срочно искать пострадавших.

– Что-нибудь еще?

– Кажется, я упомянула обо всем, – ответила Григорин с грустной улыбкой.

Я положил сжатые в кулаки руки себе на бедра.

– И какой же вывод следует из этого? Что мы должны предпринять?

– Пока не знаю. Скажу одно: после смерти вашего отца может возникнуть необходимость переселить Томаса в другое место.

Я, в свою очередь, поделился с ней уверенностью, что нельзя оставлять брата одного в родительском доме.

– Вы совершенно правы, – кивнула доктор Григорин. – Он должен жить в городе, причем там, где будет находиться под присмотром. Не в смысле постоянной слежки, нет. Просто его нельзя надолго предоставлять самому себе. У меня есть на примете одно заведение, которое вам следовало бы посетить.

– Вы полагаете, Томас согласится переехать?

Она откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди.

– Думаю, если вы постепенно приучите его к этой мысли, он согласится. Ему разрешат взять туда компьютер. Никто не помешает Томасу заниматься своим... хобби. Но сейчас очень важно как можно чаще уводить его из дома. Поезжайте с ним на пикник. Сходите в кино.

Возьмите с собой в магазин или в торговый центр. Чем больше времени он станет проводить вне стен своей комнаты, тем комфортнее будет себя чувствовать и тем легче смирится потом со сменой обстановки. Ведь, как я поняла, у вас самого нет желания переселиться в отцовский дом, чтобы иметь возможность присматривать за братом постоянно?

– Нет. Но только не подумайте... Поймите, я не хочу, чтобы вы считали, будто судьба брата мне безразлична.

Доктор Григорин покачала головой:

– Я так не считаю. Кроме того, я даже не уверена, что для него это был бы наилучший вариант. Нам нужно, чтобы Томас проявлял как можно больше самостоятельности. Ваш отец, несомненно, желал ему добра, но в результате сын стал полностью зависим от него. Отец все делал сам. В каком-то смысле он поощрял одержимость вашего брата, освободив его от всех обязанностей.

– Мне кажется, отец в конце концов понял, что гораздо проще все делать самому, – заметил я. – На ваш взгляд, состояние Томаса только ухудшилось после смерти отца?

– Не знаю. Я спросила, слышит ли он все еще голоса – а это один из наиболее явных симптомов шизофрении, – и Томас ответил, что да, иногда он их по-прежнему слышит. Разговаривает с бывшим президентом Биллом Клинтоном, которого воспринимает как своего связанного с ЦРУ. Лекарство, прописанное мной Томасу, должно превращать эти голоса в едва различимый шепот, и мне бы не хотелось увеличивать дозу. Но он ведь принимает мое средство каждый день, я надеюсь? Вы следите за этим? Оно называется оланзапин.

– Да, принимает.

– Более высокая доза сделает его вялым и сонливым. Могут появляться головокружения, сухость во рту, что ему явно не понравится. Кроме того, это будет способствовать образованию излишнего веса. А мы все-таки стремимся к разумному балансу. Надеюсь, что с вашей помощью удастся и дальше держать ситуацию под контролем.

– Вчера Томас сильно перенервничал, потому что заметил на мониторе небольшое дорожное происшествие в Бостоне. Потребовал, чтобы я вмешался, нашел некоего водителя, которому всего лишь разбили фару, причем случилось это несколько месяцев назад.

– Вам необходимо мобилизовать все свое терпение, – посоветовала Лора Григорин. – Хотя это трудно. Должна отметить, что если принять во внимание все обстоятельства, то Томас еще держится молодцом. У него, конечно, есть и другая проблема, о которой он не хочет мне рассказывать...

– Какая проблема? О чем он не хочет рассказывать?

– Я бы знала, что вам ответить, если бы он поделился ею со мной. Я только догадываюсь, что его навязчиво преследует и мучает какое-то детское воспоминание. Жаль, но Томас не желает говорить об этом.

Я сразу подумал о том путешествии, когда брат разбил себе голову о стекло машины, и упомянул об этом, не зная, слышала ли доктор о происшествии прежде. Оказалось, что слышала, и, значит, оно было здесь ни при чем.

Лора Григорин сменила тему беседы:

– Мне очень нравится, что Томас о вас высокого мнения. Он даже привозил мне вырезки из газет с вашими рисунками, чтобы похвастаться.

– Не знал.

– Думаю, он всегда завидовал вашему дару, вашей способности вообразить нечто, а потом перенести образы на бумагу.

– Но он делает почти то же самое с картами, – заметил я.

– Верно, ваши таланты во многом схожи, они лишь выражаются в разной форме.

– Вы беседовали с отцом, когда он привозил Томаса на прием?

– Конечно, – ответила доктор Григорин.

– Какое впечатление он на вас производил?

– Вас интересует нечто конкретное?

– Когда я разговаривал с Гарри Пейтоном, адвокатом, который занимается завещанием, но в то же время одним из ближайших друзей отца, он упомянул, что папа, как ему казалось, находился в состоянии депрессии.

– К сожалению, я не могу дать вам профессиональное заключение, страдал ли Адам Килбрайд хронической депрессией, – ответила она. – Я ведь не была его врачом. Но он действительно казался мне... измотанным. Впрочем, я посчитала, что одна только необходимость присматривать за вашим братом могла послужить причиной для этого.

– Отец застраховался от смерти в результате несчастного случая, – произнес я. – Страховой выплаты и еще кое-каких денег могло бы хватить Томасу на долгое время.

Взгляд зеленых глаз доктора Григорин стал вдруг пристальнее.

– Что вы хотите этим сказать, Рэй?

– Ничего... Давайте забудем об этом.

– А как насчет вас самого? Как вы себя чувствуете?

– Я? – Вопрос застал меня врасплох. – Со мной все в порядке.

Время истекло, и я поднялся из кресла.

– О! Чуть не забыла, – улыбнулась доктор. – Мне же нужно прописать вам лекарство против вашего желания всеми командовать.

Она выдвинула ящик стола и достала прозрачную аптечную баночку, в которой лежали крупные таблетки в виде шариков, окрашенных в яркие цвета.

– Что это? – спросил я, когда Лора Григорин вложила мне пузырек в руку.

– «Эм энд эмс», – ответила она.

9

Удивившись при виде лица своей новой любви на телеэкране, Эллисон Фитч включила портативный компьютер, чтобы провести некоторые изыскания в Сети.

– Ну и дела! – воскликнула она.

Хотя Моррис Янгер только собирался выдвинуть свою кандидатуру на пост губернатора, он и так уже обладал огромной властью в роли генерального прокурора штата. Ему было пятьдесят семь лет, и Бриджит – его третья жена. Они поженились три года назад, однако светские сплетники не унимались, без конца мусоля тот факт, что супруга на двадцать один год моложе и к тому же очень хороша собой. Ходили слухи, будто отдыхать они предпочитают порознь, но об этом Эллисон уже знала.

Со своей первой женой, Кэтрин Уолкот, Янгер познакомился, когда учился в Гарварде. Они поженились вскоре после того, как он получил степень бакалавра. Кэтрин работала потом секретарем в адвокатской конторе, пока Моррис заканчивал юридический факультет Гарвардского университета. Через пять лет он с ней развелся, чтобы сочетаться браком с Джеральдиной Кеннеди (не из тех Кеннеди или не настолько близкая родственница, чтобы хоть раз удостоиться приглашения в Хианнис-Порт, как было ядовито изложено на одном из сайтов, найденных сейчас Эллисон).

С Джеральдиной Янгеру разводиться не пришлось. В 2001 году она покончила с собой. Села в свой «БМВ», заперла ворота и включила двигатель, чтобы окись углерода сделала свое дело. До этого, как писали в Интернете, она не раз побывала в различных клиниках с диагнозом «маниакально-депрессивный синдром». Здесь же цитировали Кэтрин, которая, правда, утверждала, что никогда не говорила этого: «Даже не знаю, почему я сама не наложила на себя руки. Бог свидетель, когда я была замужем за этим лживым куском дерьма, мне тоже случалось думать о самоубийстве».

Короче, в пересудах недостатка не ощущалось. И вот ведь что удивительно: Кэтрин была красавицей, как и Джеральдина. И почему только мужчины, женатые на изумительной красоты женщинах, все равно упорно ищут себе других?

Янгер никогда не опускался до ответа своим клеветникам. Он назначил себе пристойный для траура период времени и с головой углубился в работу государственного обвинителя. Причем снискал себе славу бескомпромиссной борьбой с продажными профсоюзными боссами, русской мафией и бандой распространителей детской порнографии. О последних Янгер якобы сказал, что, будь у него возможность повесить их всех посреди Таймс-сквер, он непременно сделал бы это. Понятно, насколько данное заявление способствовало росту его популярности, хотя, как в шутку отмечал один блоггер, навсегда лишило поддержки любителей «детской клубнички».

А через пару лет после смерти Джеральдин он стал появляться на публике с разными, но очень привлекательными женщинами. Газеты публиковали его снимки то на премьере в театре, то на благотворительном концерте, то на каком-нибудь партийном мероприятии, и всякий раз Янгера держала под руку очередная пассия. Влиятельные телекомментаторы даже начали высказывать озабоченность, что увлечение слабым полом может в будущем отразиться на его политической карьере. Плейбои нравились публике, но до известных пределов, и у плейбоя, как правило, появлялись секреты, угрожавшие сделаться достоянием гласности в самое неподходящее время. Взять хотя бы того старого итальянского президента, который, как выяснилось, содержал гарем из бывших стриптизерш. Правда, надо признать, что старикан превратил прелюбодеяние чуть ли не в олимпийский вид спорта. Но те же комментаторы настоятельно рекомендовали Янгеру не претендовать на более высокие государственные посты, пока он не остепенится или хотя бы не сделает вид, будто изменил образ жизни.

И Бриджит подвернулась вовремя. Бывшая профессиональная фотомодель с волосами цвета воронова крыла, ростом пять футов десять дюймов и с потрясающими ногами (внешне она немного напоминала саму Эллисон), она работала в престижной фирме по связям с общественностью, имеющей офисы в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Гонконге. Однажды ей поручили организовать сбор средств для строительства бейсбольного поля в одном из бедных районов, на что генеральный прокурор делал пожертвования с особым удовольствием, и между ними моментально вспыхнул бурный роман. Прежде чем какой-нибудь несчастный мальчуган, у которого не хватало денег даже на завтрак, смог бы добежать до первой базы нового поля, состоялась помолвка. Через три месяца они сыграли свадьбу.

Как показало маленькое расследование, предпринятое Эллисон, у Янгера полно влиятельных друзей на всех полюсах политической жизни, хотя большинство все же придерживаются правых взглядов. А с двумя бывшими вице-президентами страны, одним республиканцем и одним демократом, он достаточно близок, чтобы приглашать на ужин к себе домой, стоит им лишь посетить Нью-Йорк.

Да, и еще одна крайне интересная для Эллисон деталь. Этот деятель просто купался в деньгах.

Согласно любым оценкам, размеры его личного состояния попадали в категорию «ничего!». Причем значительная его часть была получена по наследству. На государственной службе таких денег не заработаешь, если только не замараешься по самые уши в коррупции. А в этом смысле у Морриса Янгера чистейшая репутация, хотя его ближайший друг и советник Говард Таллиман, по прозвищу Говард-Талибан, не раз подозревался в разного рода сомнительных сделках. Грэм Янгер – отец Морриса – в свое время был маститым воротилой на рынке недвижимости и владел небоскребами на Манхэттене. После смерти отца собственность перешла в руки Морриса, но управлялась теперь компанией-посредником, чтобы избежать любых подозрений в конфликте интересов. И хотя Янгеру, безусловно, нравилось обладать крупной недвижимостью, ворочая такими суммами, которые людям вроде Эллисон и не снились, все же главным для него являлись популярность и власть. Он давно сообразил, что самый эффективный путь добиться этого – неустанно преследовать нарушителей закона. Ведь обыватели любят поборников справедливости, рыцарей без страха и упрека с карающим мечом в руках.

Эллисон перескакивала с сайта на сайт, убеждаясь, как баснословно богат Янгер. Он мультимиллионер, если не миллиардер.

От этого у любого голова пойдет кругом.

Похоже, Эллисон теперь сможет не только расплатиться с Кортни, но и купить себе пару туфель от Маноло Бланика. А когда девушке мешала лишняя пара модных босоножек?

Она еще около часа расхаживала по квартире, репетируя, что ей надо будет сказать. Не хочется, чтобы ее слова прозвучали как откровенный шантаж. Ей нужна всего лишь ссуда. Вот только в отличие от других ссуд эту она не собиралась потом возвращать по частям. Кредит, но на срок, скажем, в две тысячи лет, а? Ну ладно, если это трудно назвать ссудой, значит, она попросит сделать ей подарок. Разве это проблема? Имея столько-то бабла, подкинуть несколько тыщенок Эллисон Фитч? А Эллисон сполна расплатится за это. Она умеет быть благодарной. И чтобы сделать человека счастливым, ей не понадобится на сей раз даже тянуть свои губы к интимным частям тела.

Наоборот, Эллисон выразит признательность, держа в кои-то веки рот на замке! Есть, оказывается, и такой способ сказать «спасибо».

Она может, например, не обращаться в «Дейли ньюс», «Таймс» или «Пост». Не выступать в телешоу вроде «Дэйтлайн»⁸.

Разве это не будет мило с ее стороны?

Потому что сделай она нечто подобное, и это мало поможет осуществлению грандиозных планов мистера Будущего Губернатора. Впрочем, до этого может и не дойти. Вероятно, ей не придется даже упоминать о газетах и телевидении. Может случиться так, что она уже будет держать в руках чек всего через несколько секунд после того, как заявит: «Я знаю, кто ты на самом деле».

Эллисон взяла сотовый телефон и начала набирать известный ей номер, но потом остановилась. У нее сильно забилося сердце. Выдумывать трогательные истории, чтобы вытянуть деньги у мамы, – это одно. А вот это уже нечто иное. Но разве не именно такие сюрпризы и должны поджидать девушку, сбежавшую из провинциального Дейтона на свет огней большого города?

– Аллю!

– Это я. Эллисон.

– Кто?... Ах, Эллисон!

– Да. Помнишь меня?

– Конечно... Но послушай, я сейчас не могу говорить.

– Нам необходимо встретиться и кое-что обсудить.

– Не самое подходящее время.

– Я видела в тебя в новостях.

– Что?

– А я ведь даже не представляла, кто ты. Странно было ничего мне не рассказать. Впрочем, что у тебя есть семья, а во-вторых...

– Не горячись, Эллисон. Я постараюсь перезвонить тебе через неделю-другую. Сейчас слишком много дел. Если ты смотрела новости, то знаешь, что избирательная кампания набирает обороты, а кроме того... Есть другие проблемы. Вероятно, будет начато расследование по поводу...

– Помнишь, где мы в первый раз провели время вместе?

– Естественно.

– Будь там в три. До того как станет слишком многолюдно, и ты все равно потом успеешь в Линкольн-центр, на Бродвей или где там еще платят тысячи баксов за ужин.

– Я не могу сейчас встретиться с тобой. Мне очень жаль, но не могу. Нас не должны видеть вместе.

– Ровно в три.

– Господи, что все это значит?

– Увидишь. Хотя об одном можешь не волноваться. По крайней мере я не беременна.

В половине третьего Эллисон сидела в баре «Грамерси-Парк», прямо за углом от дома, где О'Генри написал когда-то знаменитые «Дары волхвов». Ей удалось занять ту же кабинку, в которой состоялось первое свидание с Янгером. Впрочем, слово «свидание» теперь кажется ей неподходящим. Свидания назначают заранее. «Случайное знакомство» – так это лучше называть при новых обстоятельствах. Или есть совсем старомодное определение. Как же оно должно звучать? «Роковая тайная встреча».

Эллисон заказала себе джин-тоник, держа входную дверь под наблюдением. При этом все еще пыталась репетировать, что скажет, хотя понимала, что зря тратит время. Она ведь

⁸ Еженедельная программа новостей и криминальной хроники компании Эн-би-си.

старалась заранее продумать каждую фразу еще перед телефонным звонком, но как только гудки прекратились и в трубке раздался голос, выдала первое, что пришло в голову. Чистую импровизацию. И ей самой это понравилось, особенно итоговый пассаж про беременность. Получилось забавно!

В три часа, почти секунда в секунду, кто-то вошел в дверь и сразу заметил сидящую в кабинке Эллисон.

Но это не Моррис Янгер.

Его жена Бриджит. Правда, выглядела она не так, как Бриджит Янгер, которую Эллисон видела на телеэкране. В красно-черном платке, купленном, как догадалась Эллисон, в бутике «Эрмеса». Почти всю верхнюю часть лица скрывали солнцезащитные очки.

Но это точно она. Сексапильная женушка генерального прокурора. Бриджит уверенно держалась на трехдюймовых каблуках, засунув руки в карманы плаща. Сразу несколько мужчин за стойкой бара чуть не свернули себе шеи, когда она проходила мимо, но не потому, что узнали ее. Такая женщина всегда привлекает к себе повышенное внимание.

Бриджит Янгер направилась туда, где расположилась Эллисон, и села на кожаный диванчик напротив нее.

– У тебя вид, как у шпионки какой-нибудь, – с усмешкой заметила Эллисон.

– В моем распоряжении всего несколько минут, – произнесла Бриджит. – Зачем тебе понадобилось срочно видеть меня?

– Но я же сказала по телефону: нам надо кое-что обсудить.

10

– Мне бы очень не хотелось, чтобы вы считали меня человеком, который гонится за высокими должностями, но все же интересно, какую буду занимать я?

– Уф! Даже не знаю. Должен признаться, что пока как-то не успел подумать об этом. А у вас самого есть какие-нибудь соображения?

– Заместитель директора. Конечно, не всего управления. А только подразделения, в котором мне предстоит работать.

– Тогда как насчет должности заместителя директора отдела картологии?

– Картологии?!

– Это первое, что пришло мне в голову. Позже я подберу для вас нечто более подходящее. И нам надо будет обсудить вопрос о вашем кабинете в здании управления.

– Но мне не нужен кабинет, мистер президент. Я буду действовать из дома. Мне нравится работать на дому. Сейчас со мной живет мой брат, и все необходимое компьютерное оборудование у меня под рукой.

– Да, но не забывайте, что, когда грянет катастрофа, у вас останутся только бумага, карандаши и ручки. Этот вирус – назовем его пока так – полностью выведет компьютеры из строя. Тогда вам понадобится большое количество просторных столов, много свободного и ровного пространства, чтобы расстелить листы с картами, которые вы начертите для нас.

– Я могу воспользоваться кухонным столом. А еще у нас полно места на полу в гостиной.

– А как отнесется к этому ваш брат? Он не станет чинить вам препятствий?

– Надеюсь, нет. Хотя он похож на нашего отца. Постоянно заставляет меня делать то, чего мне не хочется. Отец просто выводил меня порой из себя. Я уже рассказывал вам об этом?

– Да.

– Но я все равно чувствую себя плохо из-за того, что с ним случилось.

– Он никогда не понимал всей важности вашей работы. Так как насчет брата? Он не станет помехой для вас?

– Нет. Я рассказал о нем своему врачу, и она дала ему специальное лекарство. Кроме того, я разрешил доктору сообщить брату, чем я занимаюсь.

– Вы считаете, это разумно?

– Но он ведь мой брат. Отцу я тоже все рассказал. И к тому же, если я вам срочно понадоблюсь в случае чрезвычайной ситуации, он поймет, о чем речь. Может произойти еще одно землетрясение или цунами.

– Что ж, если вы полагаете, что его можно посвятить в детали, то я не возражаю.

– И вы по-прежнему согласны, чтобы я общался с вами напрямую? Вы всегда вызывали у меня восхищение. Поначалу я имел дело с директором ЦРУ Голдсмитом, но потом ему пришлось уйти в отставку после всяких скандалов. И, как вам известно, в итоге он покончил с собой. Вот тогда я и решил, что лучше всего держать связь лично с вами.

– Не возражаю.

– Очень хорошо, Би... Ой! Знаете, что я чуть не сделал? Я чуть не назвал вас Биллом.

– К черту формальности! В конце концов, меня все так зовут. А с вами мы уже стали добрыми друзьями, не так ли?

– Разумеется. Я сегодня же направлю вам свой очередной доклад. До свидания.

11

Папа никогда не боялся оставлять Томаса на какое-то время в одиночестве, как теперь и я сам. Хотя у моего брата многие понятия в голове смешались и он приобрел странные привычки, не было ни малейшего повода полагать, будто он может представлять угрозу для окружающих или для себя самого. У него не проявлялись склонности к самоубийству, и ни разу в жизни Томас ни на кого не нападал. Отец спокойно оставлял его дома одного, когда уезжал в Промис-Фоллз за продуктами и по другим делам. Или, как рассказал Гарри, чтобы просто посидеть в ресторанчике за чашкой кофе, глядя в окно на прохожих.

Вот и я оставил Томаса одного во время похорон отца, когда он отказался на них присутствовать. Это, конечно, рассердило меня, но зато я не тревожился, что с ним случится беда. Его привычка постоянно торчать в своей спальне и виртуально путешествовать по миру имела по крайней мере одну положительную сторону, не оставляя ему времени надеть глупостей. Чем он рисковал, сидя целый день перед монитором, кроме ухудшения зрения и перенапряжения мышц кисти руки, которой он щелкал по «мышам»?

В общем, я не волновался, когда в тот день сообщил брату, что ненадолго уеду.

– Заодно куплю нам что-нибудь на ужин.

– Заскочи в «Кентукки фрайдчикен», – попросил он, сидя ко мне спиной и продвигаясь вдоль какой-то очередной улицы в Боливии или в Бельгии.

– Не могу есть эту гадость, – поморщился я. – Лучше взять пару больших итальянских сэндвичей.

– Только пусть не кладут туда маслины, – произнес брат, не отрываясь от дисплея.

* * *

Через четверть часа я уже припарковал «ауди» перед редакцией «Промис-Фоллз стандарт». Опоздав на пару минут, я волновался, что заставил Джули Макгил ждать в холле, но, когда я вошел внутрь, ее там не оказалось. Я бы попросил секретаря при входе, чтобы она сообщила Джули о моем прибытии, но за стойкой никого не было. На ней стоял лишь телефон с приколотым рядом списком номеров сотрудников.

Пока я искал в списке ее имя, с лестницы донесся быстрый стук каблучков.

– Привет! – воскликнула Джули. – Вижу, ты уже познакомился с нашим редакционным секретарем.

Ближайшим местом, где можно было выпить пива, оказался бар «Грандис» – заведение мне совершенно незнакомое, появившееся уже после моего переезда в Берлингтон. Хотя и в этом случае он мог открыться не менее полутора десятков лет назад. Джули была в черных ботинках, джинсах, белой сорочке с воротником на пуговицах и поношенной черной кожаной куртке. Через плечо у нее свисала огромная черная сумка, и создавалось впечатление, будто в ней лежали по меньшей мере отбойный молоток и с полдюжины шлакоблоков, отчего при ходьбе ей приходилось слегка кособочиться. В ее темной шевелюре виднелись несколько седых прядей, причем они не казались добавленными в прическу специально.

Мы заняли отдельную кабинку, и сумка Джули издала глухой стук, когда она положила ее на соседний стул.

– Приходится таскать с собой кучу всякого барахла, – объяснила Джули, подняла руку, привлекая внимание официантки, встретилась с ней взглядом и улыбнулась. – Привет, Би! Мне – как всегда. И предложи что-нибудь моему спутнику.

Би вопросительно посмотрела на меня.

– Я буду то же самое, – произнес я.

– Прими еще раз соболезнования по поводу смерти отца, – сказала Джули, когда официантка удалилась. – Пусть и по такому поводу, но я очень рада снова видеть тебя. Столько воды утекло...

– Да уж, – кивнул я.

В голосе Джули мне почудился намек, будто в прошлом между нами что-то было. И в подтверждение моей догадки ее лицо скривилось в усмешке.

– Ты, конечно, ничего не помнишь.

Я открыл рот, но ничего не смог придумать. А после паузы с улыбкой признался:

– Хотел разыграть небольшой блеф, но сообразил, что тебя не проведешь.

– Вечеринка у Сэди Хокинс. Тебе оставалось учиться шесть месяцев. Я была классом младше. Тебя пригласила Энн Пэлтроу, но ты хорошо приложился к бутылке и явился туда уже навеселе. Она на тебя разозлилась и ушла, и тогда ты начал заигрывать со мной. А я успела накачаться пивом. Ты и охнуть не успел, как мы оказались на заднем сиденье машины твоего отца, где весело провели часок. А теперь скажи мне, что забыл об этом.

Я улыбнулся, с трудом сглотнул и промолвил:

– Прости.

– В таком случае ты наверняка забыл, что несколько недель спустя я уехала отсюда, а через девять с половиной месяцев...

– Боже милосердный!

Джули рассмеялась и потрепала меня по руке.

– Не пугайся! Я тебя разыграла. По крайней мере в том, что касалось моей последней фразы. То есть я действительно уехала, но лишь потому, что захотелось вырваться из этого захолустья. Мне всегда казалось, что оно мне не подходит. Ты и сам не очень-то вписывался в окружение, но тебе удавалось со всеми ладить, потому что, уж извини за такое определение, всегда был пай-мальчиком.

– Это правда, – кивнул я. – А ты, значит, пай-девочкой не была?

– У меня порой возникали сложности.

– Помню, одно время, как только начинались экзамены, кто-то звонил пожарным и сообщал, будто школа горит или там заложена бомба. Ходили слухи, что это была ты.

Джули напустила на себя серьезный вид.

– Даже не представляю, кто мог решиться на подобное. Это же безответственно. – Она сделала паузу. – Хотя понимаю, что человек, не успевший подготовиться к сложному экзамену, мог бы пойти на крайние меры. И я сделала это всего дважды, – добавила Джули.

– Ха! Так это все-таки вытворяла ты!

– Вообще-то нас таких было пятеро. Зато у меня появился еще один повод удрать из города.

– Я и сам тут не задержался надолго.

– А теперь мы оба снова здесь, – произнесла Джули, пока официантка ставила перед нами две бутылки «Короны». – Но у тебя хотя бы есть отмазка. Смерть члена семьи.

– А как это случилось с тобой?

– Я основательно помоталась по стране. Работала в нескольких небольших городских газетах. Тогда никого не волновало, есть ли у тебя специальное журналистское образование, которого у меня не было. Но к тому времени, когда я сумела устроиться в «Лос-Анджелес таймс», опыт у меня накопился. Но вот беда, скоро у них началось сокращение штата, и я осталась без работы. Это затронуло почти все издания. Но, как я выяснила, даже в самый разгар кризиса в нашей «Стандард» открылись вакансии. Сначала им пришлось уволить одну дамочку, а потом еще этот парень по фамилии Харвуд – противный урод! – решил начать жизнь заново в другом месте. Вот я и вернулась. Газетенка нищая, печатает всякую ерунду, а

руководят ею придурки. Но в ней я могу пересидеть до того, как найду что-нибудь получше. А искать я умею.

Я рассмеялся.

– Что такое?

– Да словечко, которым ты обозвала своих работодателей... Томас рассказывал, что однажды ты так же назвала братьев Лэндри.

– Ах, тех двоих! Тупого и еще тупее. Я обозвала их придурками?

– Да. Они стали приставать к Томасу, а ты за него заступилась. Обратила их в бегство. Вероятно, слишком поздно благодарить тебя за это, но все равно хочу сказать тебе спасибо.

– А я и забыла об этом. – Джули взяла бутылку с пивом за горлышко и основательно отпила из нее, откинувшись на спинку стула. – А ты знаешь, что они оба уже на том свете?

– Неужели?

– Да. Вообрази, оба вдрызг пьяные припарковали свой пикап на обочине. Один встал у заднего борта, чтобы закинуть что-то в кузов, а второй начал сдавать назад и переехал его. Почувствовал толчок, вылез проверить, в чем дело, но машину на ручник не поставил. Она покатилась. Он бросился вслед, поскользнулся и попал под заднее колесо. Мне оставалось только пожалеть, что все произошло до моего возвращения сюда. С каким смаком я бы написала репортаж об этом!

Неожиданно она посмотрела на меня с виноватым выражением на лице.

– Прости. Я, кажется, ляпнула не подумав. И вообще ты хотел поговорить со мной, потому что я написала в газете о смерти твоего отца.

Я жестом показал ей, что извинения излишни.

– Все в порядке. Я внимательно прочитал твою заметку. Просто хотел спросить, не знаешь ли ты каких-то подробностей, о которых не упомянула?

– Нет.

– А какое-нибудь расследование проводили?

– Да. Обычная рутина. Смерть по неосторожности. Обстоятельства самые заурядные. Так что вывод никто не ставил под сомнение. Я написала еще одну короткую информацию, но, поскольку никаких сенсаций в ней не содержалось, она не попала в газету. Только когда несчастье касается тебя лично, все представляется важным и тебя интересует любая подробность. Но для «Стандард» оказалось достаточно заметки в три абзаца, и тема была исчерпана. Честно говоря, даже она не была бы написана, если бы я не знала, кто такой Адам Килбрайд и что он ваш с Томасом отец.

– Прости, мне не стоило отнимать у тебя из-за этого время.

– Не беспокойся обо мне. Я же понимаю, как это все тяжело. Могу я хоть чем-то помочь тебе или Томасу?

– Нет. Хотя... Как-нибудь навестишь нас? Томас будет очень рад тебя видеть. При том что... Впрочем, ты наверняка знаешь, что он не совсем такой, как все.

– И всегда был, – заметила Джули.

– Боюсь, сейчас это усугубилось.

Она улыбнулась:

– Помню, он носился со своими картами. Томас по-прежнему ими увлекается?

– Да.

У меня еще оставалось в бутылке пиво, хотя Джули уже почти допила свое.

– Ты сам казался немного с приветом. Постоянно что-то рисовал. А спортом не увлекался.

– Я какое-то время метал копье, – сказал я в свое оправдание.

И это было правдой. Метание копья осталось единственным видом спорта, которым я занимался. И получалось у меня неплохо. Как и бросать дротики в комнате отдыха, оборудованной в подвале нашего дома.

– Копье? Неужели? – удивилась Джули. – Метание копья – один из немногих видов спорта, где требуется развитие всех групп мышц. Но, как я теперь понимаю, именно рисунки принесли тебе успех. Мне часто попадались твои карикатуры в «Лос-Анджелес таймс». Они были действительно хороши.

– Спасибо.

– Ты, очевидно, успел за это время жениться?

– Нет. Но пару раз был близок к этому. А ты?

– Прожила несколько месяцев с парнем, который сочиняет музыку для релаксации. Типа той, что включают, когда делают тебе массаж. Слышал такую? Там еще фоном птички чирикают и журчат ручейки. Навевает сон. Я с ним несколько раз чуть в кому не впала от этого, хотя и сам он оказывал на меня тот же эффект. Потом сходилась то с тренером из НБА, то с продюсером реалити-шоу на телевидении, и был еще тип, промышлявший разведением игуан.

Джули задумалась, словно оглядываясь в прошлое.

– Ко мне почему-то всегда липли мужчины со странностями. Все это, вероятно, оттого, что происходило в Калифорнии. Хорошо, что теперь я вернулась домой.

А меня внезапно посетило неожиданное воспоминание.

– Фиолетовое, – сказал я.

– Что?

Я покачал перед Джули указательным пальцем.

– На тебе было фиолетовое нижнее белье.

Она расплылась в улыбке:

– Наконец-то. А то я, признаться, немного обиделась, что совершенно не произвела на тебя тогда впечатления.

12

На следующий день за завтраком я сказал Томасу:

– А мне понравилась доктор Григорин.

– Она хорошая, – согласился он, доставая банан из вазы с фруктами. – Какие пилюли она тебе выдала?

Я пожал плечами:

– Никогда не запоминаю названий лекарств.

Брат наполовину очистил банан.

– Она тебе сообщила?

– Что?

– Чем я занимаюсь. Я сказал ей, что тебе пора узнать об этом.

– Да.

– Пришло время посвятить тебя в особенности моей работы.

– Почему же ты сам не рассказал мне об этом?

Он впился зубами в банан.

– Посчитал, что ей ты скорее поверишь. Она же врач.

– А ты думаешь, сама доктор Григорин верит в это? В здравый смысл того, чем ты занимаешься? Запоминаешь наизусть карты и уличные планы, чтобы помочь бегству наших тайных агентов. Готовишься к тому, что однажды карты перестанут существовать, а вся информация останется у тебя одного вот здесь. – И я постучал себя пальцем чуть повыше виска.

Брат отложил банан в сторону и опустил ладони на стол.

– Если бы она в это не верила, то не стала бы мне задавать столько вопросов. Если бы не верила, то так бы сразу и сказала.

На его лице отчетливо читалось разочарование.

– Но ты, как я теперь вижу, мне совершенно не веришь. Я ошибался, надеясь, что доктору Григорин удастся убедить тебя.

– Ну сам подумай, Томас! Ты простой человек, живущий на окраине Промис-Фоллз, штат Нью-Йорк. Никогда не работал ни в правоохранительных органах, ни в каком-либо другом государственном ведомстве. У тебя нет никакого образования, нет диплома по специальности, которую получают настоящие специалисты в области карт и...

– Картографы.

– Что?

– Человека, который является экспертом в этой области, называют картографом. Но только никто не выдает таких дипломов. Можно получить ученую степень географа, а потом применить полученные знания при работе с картами, то есть картографом.

Своей тирадой Томас слегка сбил меня с толку, но мне не потребовалось много времени, чтобы восстановить логическую цепочку своих рассуждений.

– Хорошо. Видишь, ты сам признаешь, что не получил географического образования и никогда не работал картографом.

– Да.

– Однако ты полагаешь, что именно тебя, человека, не обладающего ни соответствующей квалификацией, ни связями в правительстве, Центральное разведывательное управление – всемогущая организация с многомиллионным бюджетом и сотрудниками по всему миру – решило сделать своим главным экспертом по картам?

– И это просто поразительно, верно?

– Да.

– Но у меня исключительная память. Потому я и был избран.

– Так ты у нас, оказывается, из числа избранных, – усмехнулся я, откидываясь на спинку стула.

– Опять издеваешься надо мной?

– Нисколько... Хотя, может, это так прозвучало для тебя. Но на самом деле, Томас, я всего лишь хочу показать тебе, насколько все это абсурдно. Ведь, кроме всего прочего, доктор Григорин поведала мне, будто ты общаешься с бывшим президентом Клинтоном.

Прошлым вечером, стоя у приоткрытой двери комнаты Томаса, я наблюдал, как он разговаривает с несуществующим собеседником. Трубка телефона лежала на месте, а на монитор компьютера он в это время не смотрел. И я слышал его фразу: «Я чуть не назвал вас Биллом».

– Так и есть, – произнес Томас. – Но я могу обращаться к нему просто «мистер президент». Бывшие президенты сохраняют за собой это право.

– Знаю.

– Мне больше не хочется обсуждать с тобой данную тему, – заявил вдруг Томас. – Таблетки, которые дала тебе доктор Григорин, явно не действуют. А я-то надеялся, что они сделают тебя более терпимым и восприимчивым. Но ты – как отец.

И, оставив недоеденный банан на столе, он ушел в свою комнату, громко хлопнув дверью.

* * *

Возникла необходимость пополнить наши запасы продовольствия. Нельзя было бесконечно питаться пищей и бутербродами, а потому я как раз складывал в тележку замороженные продукты в универсаме «Прайс чоппер», когда встретил Лена Прентиса и его жену Мари. Даже после того как папа ушел из его типографии, Лен поддерживал с ним дружеские отношения. Кожа его обычно молочно-белого лица сейчас носила отчетливые следы недавнего загара, хотя со дня похорон успела чуть посветлеть. Что до Мари, то она, как всегда, выглядела бледной и изнуренной. У нее были давние и неразрешимые проблемы со здоровьем. Я не помнил, чем она страдала конкретно, но недуг был как-то связан с синдромом хронического переутомления. Вечная усталость. А ведь я был знаком с этой супружеской парой почти тридцать лет. С их сыном Мэттью, моим ровесником, мы подростками даже тусовались вместе. Сейчас он жил в Сиракьюсе, работал бухгалтером, обзаведясь женой и тремя детишками.

– Привет, Рэй! – воскликнул Лен, толкая перед собой тележку. Мари маячила у него за спиной. – Как дела у вас с Томасом?

Но я еще не успел и рта раскрыть, как голос подала Мари:

– Рэй! Очень рада тебя видеть.

– Здравствуйте, – улыбнулся я. – У нас все в порядке. Держимся. Вот, приехал сюда за продуктами.

– Это была торжественная церемония, – искренне сказала Мари.

Отец всегда называл ее «Мари-солнышко», хотя не имел при этом в виду цвета ее лица. Просто, несмотря на свое нездоровье, она умела выглядеть веселой и беззаботной.

– Да, – согласился я. – Благодарю еще раз, что почтили похороны своим присутствием.

Потом я обратился к Лену:

– Еще пару дней назад хотел спросить, не заснули ли вы, случайно, где-нибудь в солярии? Мари игриво потрепала меня по руке.

– Ах ты, шутник! Нет, просто Лен пару недель назад вернулся с отдыха.

– Где отдыхали? Во Флориде?

Лен пожал плечами, словно это не казалось ему важным.

– Нет. В Таиланде.

– Расскажи ему, как там красиво, – попросила Мари.

– О да. Там просто потрясающе. Такой изумительно синей морской воды не увидишь нигде больше. Тебе доводилось там бывать, Рэй?

– Нет, – ответил я. – Но часто слышал, как там прекрасно. А вы не присоединились к мужу, Мари?

Она вздохнула.

– На подобное путешествие у меня недостаточно энергии. Уж очень далеко. Я не против провести неделю где-нибудь в лесной хижине в паре часов езды от наших мест, но все эти аэропорты, очереди на таможне, необходимость снимать обувь, а затем снова надевать ее – слишком тяжело для меня. Хотя моя неспособность путешествовать в дальние страны вовсе не означает, что Лен не может иногда отправиться в вояж вместе с людьми, которым это тоже по душе.

Лен сменил тему:

– Рэй, я хочу заехать к вам, прежде чем ты вернешься в Берлингтон.

– Пока не могу даже сказать, когда уеду домой, – отозвался я. – Нужно сначала позаботиться о Томасе, решить, как поступить с домом. Брата нельзя оставить там жить одного.

– Конечно, нет! – экзальтированно воскликнула Мари. – Мальчик нуждается в присмотре.

Я ощутил приступ раздражения, но ничем не выдал его. Права она была в одном – за Томасом действительно необходимо приглядывать. Но он все же взрослый мужчина, а не мальчик. К нему не следовало относиться как к несмышленому ребенку. И при этом я уже сам не смог избежать чувства вины, подумав, что слишком суров к брату и обижаю его, насмехаясь над его так называемой миссией.

– Верно, присмотр за ним необходим, – сказал я. – Но мне, возможно, удастся приучить его быть более самостоятельным.

Я действительно много размышлял над этим в последнее время. Факт, что Томас забивал себе голову мифическими, далекими от реальности проблемами, еще не делал его неспособным жить вполне нормальной жизнью. Хотелось приучить его самому готовить себе еду, помогать мне с уборкой дома. Если я начну загружать брата другими делами, он станет больше времени проводить вне стен своей спальни. Если вывести его в большой мир не представляется пока возможным, то надо хотя бы сделать Томаса более активным в пределах нашего жилища.

– Что ж, нам пора двигаться дальше, – произнес Лен. – Всего хорошего. Рад был тебя видеть.

– А я-то все никак не соберусь заглянуть к вам, ребята, со сковородкой своего жаркого, – запричитала Мари. – Или лучше пригласить вас к себе на ужин?

– Вы очень добры, – улыбнулся я. – Мы с Томасом это обсудим.

«Как же», – подумал я, хотя ужин с людьми, которых Томас знал, мог пойти ему на пользу. Деточка еще раз покинет родной дом. Мы же ухитрились съездить к психиатру без особых приключений, если не считать ссоры Томаса с Марией.

– Томас все запоминает карты на случай нападения компьютерного вируса? – вдруг спросил Лен, и уголки его рта чуть дрогнули в улыбке.

Вопрос прозвучал для меня как гром среди ясного неба.

– Так вам известно об этом?

– Твой отец рассказывал. Мне показалось, ему хотелось хоть с кем-нибудь поделиться.

Я кивнул, а Мари тут же одернула мужа:

– Не надо, Лен. Тебя это совершенно не касается.

– Касается, если Адам решил мне обо всем рассказать, – возразил он и обратился ко мне:

– На твоего отца это легло тяжким грузом, понимаешь?

Похоже, так считали все.

Постучав в дверь комнаты Томаса, я открыл ее и сообщил:

– Я уже дома.

Брат щелкал «мышью» и даже не обернулся, бросив только:

– Хорошо.

– А ты сегодня приготовишь ужин.

Мои слова заставили его развернуться в кресле.

– Что?

– Вечером ужином нас накормишь ты.

– Я никогда не готовлю еду.

– Значит, самое время начинать. Я привез замороженные полуфабрикаты. Это будет легко.

– А почему ты не можешь сделать ужин? Папа всегда готовил для нас обоих.

– Но ведь у меня тоже есть работа, – заметил я. – У тебя твоя, у меня – моя. Нужно сделать несколько важных звонков, а потом, вероятно, придется привезти кое-какие мои вещи из Берлингтона...

– Штат Вермонт.

– Верно, из Берлингтона, штат Вермонт, чтобы я мог продолжать трудиться, пока мы улаживаем здесь наши с тобой дела.

– Улаживаем наши дела, – тихо повторил Томас.

– Совершенно верно. И я все тебе покажу. Как пользоваться духовкой и прочее. Но тебе надо будет спуститься часам к пяти.

Я успел насладиться ошеломленным выражением лица брата, прежде чем закрыл дверь.

Вскоре зазвонил сотовый телефон. Это был мой агент Джереми Чандлер, снабжавший меня заказами на протяжении последних десяти лет.

– У меня для тебя три предложения, но никто не просит создать новую Сикстинскую капеллу и расписать потолок, и сорок лет на работу тебе никто не даст. Речь о двух журналах и одном сайте в Интернете, Рэй. У них жесткие сроки. Если тебя это не устраивает, мне необходимо знать как можно скорее, чтобы предложить эту работенку другим художникам, которые, может, не так талантливы, как ты, зато нуждаются в деньгах.

– Но я же говорил тебе, что я сейчас в доме отца.

– Верно! Совершенно вылетело из головы. Твой отец умер, так ведь?

– Вот именно.

– И что? Похороны и прочие формальности – все уже позади?

– Да.

– Тогда скажи, когда вернешься к себе в мастерскую.

– Я пока не до конца разобрался с делами, Джереми. Вероятно, мне придется оборудовать себе временное рабочее место здесь.

– Отличная мысль. Иначе мне пришлось бы поручить эти рисунки Торлингтону.

– О, только не ему! – воскликнул я. – Этот халтурщик работает левой ногой. У него Обама похож на Билла Косби ⁹. Правда, у него любой афроамериканец – копия Билла Косби.

– Послушай, если сам не берешься за работу, то не критикуй чужую. Кстати, я уже говорил тебе, что на меня вышли люди Вачона?

– Неужели?

Карло Вачон, печально известный крестный отец мафиозного клана из Бруклина, находился под судом по целому списку статей – от убийства до неоплаченных счетов за парковку. Один нью-йоркский журнал заказал мне карикатуру на него, где я, во-первых, изобразил его

⁹ Известный темнокожий американский актер и телеведущий.

с огромным животом, а во-вторых, нарисовал Вачона грозящим пистолетом статуе Свободы. В моей интерпретации она подняла вверх обе руки.

Я сразу почувствовал, как холодок пробежал по спине.

– И что, они меня «заказали»?

– Ничего подобного. Тебе нечего опасаться. Карло очень понравился твой рисунок, и он хочет купить оригинал. Эти гангстеры обожают славу, пусть и дурную.

– Оригиналу остался у тебя?

– Да.

– Так отправь его в виде подарка.

– Уже сделано. Но на самом деле я звоню тебе по иной причине.

– По какой же?

– Скоро в Интернете начнут раскручивать новый сайт. Финансируют его очень влиятельные люди, и они хотят заткнуть за пояс «Хаффингтон пост», но им нужно все в несколько ином стиле. Тогда я предложил им жанр политической анимации, нечто похожее на то, что делают на сайте «Нью-Йоркера». Десятисекундные ролики с минимальным движением. Его можно создать простым вращением камеры...

– Мне известно, как это делается, – перебил я. – Так ты рекомендовал им меня?

– Не было необходимости. Потому что они ко мне и обратились. Руководит всем дама Кэтлин Форд, очень богатая. Она хочет, чтобы я устроил ей встречу с тобой как можно быстрее.

– Хорошо, но только прямо сейчас я...

В этот момент раздался стук в нашу входную дверь. Стучали громко, уверенно и настойчиво. Как к дому подъехала машина, я не слышал, но Джереми обладал дурной привычкой орать в трубку так, словно ему нужно было перекричать шум двигателей «Боинга-747».

– К нам кто-то пришел, – сказал я.

– Рэй, пойми, это нечто грандиозное. Тебе необходимо встретиться с Кэтлин Форд. Мы можем сорвать настоящий куш.

– Я тебе перезвоню.

Оставив телефон на кухонном столе, я направился к двери.

На крыльце маячили двое, а их черный седан стоял во дворе позади моей «ауди», блокируя ее, словно из опасения, что я могу попытаться сбежать на машине. Мужчина и женщина – обоим за сорок, одеты в разного оттенка серые костюмы, к которому мужчина добавил узкий и неброский галстук.

– Мистер Килбрайд? – громко произнесла женщина.

– Да.

– Я агент Паркер, а это – агент Дрисколл.

– Кто?

– ФБР, откройте!

13

Бриджит Янгер была убеждена, что если собирается обсудить сложившуюся ситуацию с ближайшим другом и главным советником мужа Говардом Таллиманом, то лучше это сделать в людном месте. Может, ему удастся сдержать желание удавить ее немедленно, если кругом будут свидетели. И она пригласила его на обед в кафе «Юнион-сквер», заказав столик на час дня.

Таллиман был лучшим другом Янгера с юности. Они вместе учились в Гарварде, напились, занимались юриспруденцией, ездили отдыхать и, вероятно, даже трахались в одной постели во время путешествия по Японии через пару лет после гибели Джеральдин. Еще с молодых лет Говард начал принимать участие в закулисных политических кампаниях – и демократов, и республиканцев, ему было без разницы. Значение имела только победа. Подобно тому как хоккеист, проданный из «Нью-Йорк рейнджерс» в «Бостон брюинс», начинает бесцеремонно впечатывать в борт бывших товарищей по команде, Таллиман мог выработать стратегию для одной партии в ущерб другой, если ему платили больше. При этом сам он никогда не стремился стать политическим деятелем. Низкорослый и пузатый Таллиман сам любил подчеркнуть, что не обладает привлекательностью, зато знает, как играть в политические игры, оставаясь невидимым, и приносить победы другим.

– Ты сумеешь пойти так далеко, как только захочешь, – сказал он Моррису десять лет назад. – Единственный ограничитель – твои собственные амбиции. Если они достаточно сильны, то вознесешься на самый верх. Но рост, естественно, должен быть поэтапным. Сначала суровый государственный обвинитель, потом неподкупный генеральный прокурор. Можешь продолжить эту линию и посмотреть, куда она тебя приведет. А приведет она тебя, как я уже сказал, на самую головокружительную вершину.

Так Говард Таллиман смешивал коктейль честолюбия, а Моррис охотно им упивался.

И годы трудной работы теперь приносили плоды. Давали отдачу по-крупному. Моррис уже без пяти минут губернатор штата, а дальше... Кто знает, что ждет его дальше?

Но как ни гордился Таллиман успешной операцией по превращению своего лучшего друга в звезду политической жизни, настоящим самодовольством он переполнялся, видя рядом с ним во время каждого победного спича молодую красавицу жену. С Бриджит он познакомился, когда обратился к услугам ее компании по связям с общественностью от имени другого своего клиента – окружного судьи, чью репутацию понадобилось в экстренном порядке спасти после того, как его оболтуса-сынка взяли за задницу, обнаружив, что тот оборудовал лабораторию по производству синтетических наркотиков в папиной летней резиденции в Нью-Гэмпшире. Стоило ему увидеть Бриджит, и Говард мгновенно понял, как роскошно будет выглядеть эта женщина, стоя рядом с Моррисом в каждом городке на пути предвыборного турне по штату Нью-Йорк. Точеная фигура статуэтки, лебединая шея, соблазнительный бюст, но при этом не чрезмерно пышный. И королевская осанка.

Как теперь понимала Бриджит, Говард искусным маневром свел их вместе, причем так, что они даже об этом не подозревали. Именно он подбросил идею сбора средств для строительства бейсбольной площадки, обеспечив, таким образом, чтобы Моррис и она оказались в одном месте, в одно время. Говард представил их друг другу, а потом неустанно нашептывал поочередно в уши, как она нравится ему, а он – ей.

Представьте Макиавелли, вооруженного стрелами Купидона, и вам станет ясна роль, сыгранная Говардом Таллиманом.

А дальше постороннее вмешательство не потребовалось. Уже через неделю Бриджит оказалась распластанной на заднем сиденье лимузина Янгера с расстегнутыми пуговицами и «молниями» – и с головой будущего губернатора где-то у себя между ног.

Она даже получила удовольствие, хотя не всегда была охотницей до представителей противоположного пола. Но собственно, какая ей разница? Как только Бриджит сообразила, что, связавшись с Моррисом Янгером, будет вести образ жизни, к которому стремилась, она решила, что сможет определиться со своими сексуальными предпочтениями и остановиться на чем-то одном.

Но не смогла, хотя осознала это уже после того, как вышла за Морриса замуж.

Причем Эллисон стала далеко не первой, с кем Бриджит вернулась к прежним привычкам, но именно с ней она наметила впервые провести несколько дней вдали от мужа. Сама Бриджит не воспринимала эту связь всерьез, да и Эллисон отнеслась ко всему легко. Новой любовнице Бриджит представилась под вымышленным именем и сделала все, чтобы той не попался на глаза ее паспорт, а когда они вместе появлялись на людях, маскировала внешность огромными темными очками и широкополой шляпой. Впрочем, дело упрощалось тем, что, если мужа узнавали везде, где бы он ни появлялся, и часто просили дать автограф, ее саму, стоило ей остаться одной, не узнавал практически никто. Нет, она, разумеется, привлекала нескромные взгляды, причем и мужчин, и женщин, но по иным причинам. Люди разглядывали ее оценивающе не из-за того, кем она была, а из-за ее потрясающей внешности.

И вот теперь Бриджит грозили крупные неприятности.

Она листала меню, а когда снова подняла голову, появился Говард.

– Привет, Бриджит! – произнес он и, склонившись, изобразил поцелуй в щеку, не касаясь губами ее лица. – Выглядишь, как всегда, аппетитно. Тебя просто хочется смаковать с маленькой ложечки.

– Ты тоже чудесно выглядишь.

– О, брось! Это пустое. Когда я проходил мимо стойки бара, то слышал, как кто-то за спиной шептал, что только что видел Дэнни де Вито.

Бриджит натянуто рассмеялась, пока Говард усаживался напротив нее в кресло. По его лицу она видела: он уже понял, что возникла проблема. Говард Таллиман не добился бы ничего в жизни, не умея он разбираться в людях.

А вот в ней он разобраться не сумел. Бриджит не стала для него открытой книгой с самой первой встречи. Стоило ему тогда присмотреться к ней пристальнее, и они бы сейчас не сидели друг против друга, ведь так?

– Нам не помешает немного выпить, – сказал он. – Что для тебя заказать?

– Пожалуй, белое вино с содовой.

Говард удивленно поднял брови.

– Неужели все настолько плохо? Вино с содовой? Ты пьешь эту дикую смесь, только если тебе приносят твою любимую «Таймс» с получасовым опозданием.

Он повернулся в кресле и схватил под локоть проходящую мимо официантку.

– Леди будет белое вино с содовой, а мне принесите, пожалуйста, виски. Льда не надо... Так что стряслось, Бриджит? Я же понимаю, что ты пригласила меня сюда не на романтическое свидание, да и мне, честно говоря, трудно было бы выкроить время на интрижку при своем весьма насыщенном графике.

Говард никогда не был женат, и если в его жизни оставалось место для любви (не считая страсти к политическим интригам), то об этом никто ничего не знал. Впрочем, у каждого свои секреты.

Бриджит тяжело вздохнула:

– Надеюсь, ты понимаешь: я бы никогда не сделала намеренно чего-то, что повредило бы Моррису.

– Начало тревожное, – пробормотал себе под нос Говард.

– И я бы никогда не решилась поставить его под удар. Никогда!

Он внимательно посмотрел на нее.

– А теперь позволь мне высказать предположение... – Говард оглядел ее с таким видом, словно прикидывал, сколько выложил Моррис за ее бриллиантовые сережки. Правильный ответ – двадцать тысяч, но думал он сейчас не об этом, а о том, в какую грязь ухитрилась вляпаться Бриджит. – Это либо деньги, либо секс, – заметил он. – Или и то и другое сразу. По большому счету все всегда сводится к этому. Что бы ты ни натворила, в основе неизменно либо одно, либо другое, либо их комбинация.

– Ты прав. Это и то и другое, – кивнула Бриджит.

– И насколько все скверно?

– Ситуация сложная, – ответила она. – Дело в том, что меня шантажируют.

– Это то, что касается денег. А когда мы заговорим, почему шантажист имеет власть над тобой, то речь, полагаю, пойдет о сексе. Хотя, может, я ошибаюсь, и ты попросту случайно кого-то прикончила?

– Я никого не убивала! – возмутилась Бриджит.

– Что ж, – произнес Говард, когда перед ними поставили заказанные напитки, – в таком случае у нас уже есть повод, который можно отпраздновать. Кстати, я встречал немало людей, кому сходило с рук даже убийство.

Он отпил из стакана с виски и посмотрел в спину удаляющейся официантке. Как подозревала Бриджит, в какой-то степени этот человек сейчас даже наслаждался сложившимся положением, потому что обожал решать проблемы. Но если это и так, то наслаждаться ему осталось недолго.

– Только не говори мне, что есть снимки, на которых ты занимаешься сексом с козлом или кем-то похожим, – произнес Говард.

– Нет, конечно.

– Отлично. В сравнении с этим другие варианты уже представляются сущими пустяками. Выкладывай подробности.

– У меня был роман, – призналась Бриджит.

Говард кивнул, словно понял это сразу, и поинтересовался:

– Речь идет о чем-то недавнем, о любовной связи, возникшей уже после того, как вы с Моррисом сочетались священными узами брака?

– Да.

– И с ним уже покончено? С этим романом?

– Да.

– Я с ним знаком?

– Нет, – после паузы произнесла Бриджит.

Говард чуть склонил голову набок.

– Меня встревожило твое колебание с ответом, Бриджит. Оно может означать, что я его знаю и ты лжешь, либо ты говоришь правду, но все равно пытаешься меня запутать. Дай мне секунду, чтобы сообразить... Мне кажется, что второй вариант вероятнее.

Бриджит молчала. Если отвлечься от конкретной ситуации, что для нее сейчас весьма затруднительно, Говард мог бы произвести весьма сильное впечатление.

– Кто она? – спросил он.

– Ее зовут Эллисон Фитч.

У Говарда стали подрагивать веки, что происходило всегда, когда он рылся в своей мысленной базе данных.

– Ты права. Я с ней незнаком. – Говард сделал еще глоток виски. – А знаешь, Бриджит, когда я свел тебя с Моррисом и аккуратно расспрашивал, нет ли в твоём прошлом какого-нибудь компромата, тебе ничего не стоило упомянуть, что ты – «двустволка».

Бриджит очень прямо и скованно сидела в кресле, но не могла вымолвить ни слова в свое оправдание.

– Ты делилась с этой Эллисон Фитч информацией, что твой муж – генеральный прокурор штата и, вероятно, его будущий губернатор?

– Нет. Она вообще знала меня под другим именем. Но потом случайно увидела по телевизору вместе с Моррисом на каком-то мероприятии, а остальное было уже просто, как дважды два.

Бриджит вкратце пересказала ему всю историю: где познакомились, сколько раз встречались и о совместной поездке на Барбадос.

Говард усмехнулся:

– Я в шутку упомянул о твоих снимках с козлом. А с этой женщиной? Могли остаться какие-то фотографии? Скрытая камера и все такое? Теперь, когда я всерьез оценил возможный урон с политической точки зрения, козел мне уже кажется меньшим из зол.

Бриджит посмотрела на него, прищурившись.

– Тебя действительно волнует, что шантажистка может пустить в ход против меня? Или любопытно посмотреть на снимки?

– А они существуют?

– Вряд ли. Эллисон никогда мне ничего не говорила. Да и зачем ей снимать меня? Она ведь понятия не имела, за кем я замужем.

– Тогда какие у нее есть доказательства? Мы вполне можем прибегнуть к стратегии отрицания. Это все равно будет внешне выглядеть не слишком опрятно, но мы твердо опровергнем инсинуации, списав их на происки политических противников твоего супруга. А сами тем временем покопаемся в ее прошлом и нароем что-нибудь эдакое, что полностью подорвет к ней доверие. Поверь мне, мы соберем нужную информацию, даже если придется сфабриковать ее. И пусть пресса порезвится немного. Уже скоро история всем надоест, и мы продолжим кампанию, будто ничего не случилось. Или еще хлеще. Если у нее нет ничего в подтверждение своих слов, мне нужно будет сделать всего несколько звонков, чтобы ею занялась полиция. Она и глазом моргнуть не успеет, как окажется на скамье подсудимых по обвинению в вымогательстве. Можно проверить все, как тот телеведущий... Имя из головы вылетело. Такой, с торчащими вперед зубами, помнишь? Его тоже пытался шантажировать один придурок. Угрожал, что если он ему не заплатит, весь мир узнает о его любовных связях чуть ли не со всей своей телегруппой. Привлекли полицию, устроили ловушку, и придурок угодил за решетку. В твоём случае разница лишь в том, чтобы утверждать, будто ты вообще не знакома с этой дамочкой. Да, возможно, ты случайно с ней пересекалась где-нибудь на вечеринке или на отдыхе, но даже не представляешь, кто она такая. Когда мы с ней разберемся, ей никто не поверит, даже если она заявит, что во время урагана «Катрина» шел легкий дождик.

– Остались тексты, – заметила Бриджит.

– Не понял?

– Фотографий нет, но мы обменивались звонками по телефону и текстовыми сообщениями.

– Какого рода сообщениями, Бриджит?

– Я бы сказала... Их можно назвать непристойными. Или скорее сладострастными.

– И автором некоторых из них была ты? Или похотливые записочки тебе отправляла исключительно сама мисс Фитч?

– Пятьдесят на пятьдесят...

Говард покачал головой.

– Сколько она хочет получить и что собирается сделать, если ты не поддашься на шантаж?

– Сто тысяч. Или она обнародует историю. Продаст тем, кто предложит больше.

– Как видно, девушка не слишком искушена в этой жизни.

– Почему же?

– На ее месте я бы потребовал не менее миллиона. И откуда нам знать, что она не продаст информацию в прессу, даже если мы заплатим?

– Она обещала не делать этого.

Говард откинулся в кресле и развел руки в стороны.

– Ах вот как? Она обещала? Ну тогда нам, конечно, беспокоиться не о чем.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Она станет являться к нам снова и снова, требуя все больше денег.

– Мне это представляется вероятным, Бриджит. Хотя можно поговорить с ней так, что она будет счастлива урвать хотя бы эту сумму, а потом исчезнет, и мы никогда больше о ней не услышим.

Она вздохнула с облегчением.

– Я была уверена, что ты знаешь, как справиться с данной проблемой. Ты такой... В общем, умеешь преодолевать кризисные ситуации.

– Просто необходимо вовремя гасить пожары. Вот и сейчас нам нужно укротить огонь, пока он, фигурально выражаясь, не охватил весь лес.

– Но только, Говард... Я бы очень не хотела, чтобы Моррис узнал об этом. Мы, конечно же, были с ним предельно откровенны, когда разговаривали о своем прошлом, но ему не известно, что у меня кто-то был уже после нашей женитьбы. Надеюсь, ты не собираешься ему рассказать?

Он покачал головой и накрыл ладонью ее руку.

– Это было бы нецелесообразно. И потом – я слишком люблю вас обоих, чтобы так поступить. Перед вами открывается прекрасное будущее, если научитесь контролировать свои... порывы.

– Я просто сорвалась. Больше такое никогда не повторится.

– Разумеется, – кивнул он, поглаживая Бриджит по руке. – Я не допущу, чтобы кто-нибудь встал у Морриса на пути, включая и тебя. Поэтому, если ты снова выкинешь нечто подобное, я лично удушу тебя твоим же бюстгальтером, раскромсаю тело на мелкие кусочки и скормлю белкам в Центральном парке, а потом найду способ свалить твою смерть на врагов Морриса. Тебе ясно?

– Да.

14

– Мы хотели бы войти и поговорить с вами, – сказала агент ФБР Паркер.

И это не прозвучало как просьба.

– О чем?

– Давайте обсудим это в доме.

Я все же попросил их предъявить служебные удостоверения, которые они показали мне лишь мельком, а затем пригласил войти. Жестами я показал, что они могут присесть на диван или в кресла гостиной, но оба предпочли остаться на ногах. Мне ничего не оставалось, как последовать их примеру.

– Нам бы тоже хотелось увидеть какое-нибудь удостоверение личности, – произнес Дрисколл.

– Может, мне пригласить своего адвоката?

– Думаю, излишне. Просто было бы неплохо знать, с кем мы имеем дело, – ответила Паркер.

Не решив, следует ли мне безропотно подчиниться, но и опасаясь последствий отказа, я отыскал бумажник и достал свои водительские права.

– Значит, вы – мистер Килбрайд?

– Да.

– Рэй Килбрайд?

– Точно.

– Вы пользуетесь какими-нибудь другими именами?

В голосе Паркер я уловил враждебность, словно она подозревала, что у меня целый набор криминальных прозвищ.

– Нет. Разумеется, нет.

– Кто вы по профессии, мистер Килбрайд?

– Художник. Иллюстратор и карикатурист.

– Что же конкретно вы иллюстрируете? – спросила Паркер, и опять, если судить по интонациям, она предполагала, будто я занимаюсь по меньшей мере порнографическими комиксами.

– Мои рисунки используют газеты, журналы, сайты в Интернете. Неделю назад мой рисунок опубликовали в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс».

– Если вы работаете для сайтов, то, как нетрудно предположить, значительную часть своей работы выполняете с помощью компьютера?

– Так и есть, – кивнул я.

– Вы, значит, живете здесь и работаете?

– Нет, я тут не живу. Я живу в Берлингтоне.

– Тогда чей же это дом? – вмешался агент Дрисколл.

– Моего отца, – ответил я и добавил: – То есть он принадлежал моему отцу.

– В каком смысле? – сразу насторожилась агент Паркер.

– В таком, что он умер, – сказал я уже резче, глядя ей в лицо.

Я думал, что сумею умерить ее агрессивность хотя бы ненадолго. Но не произвел на нее ни малейшего впечатления.

– При каких обстоятельствах умер ваш отец?

– Он погиб в результате несчастного случая на заднем дворе дома несколько дней назад. Его придавил насмерть перевернувшийся трактор-газонокосилка. Звали его Адам Килбрайд.

– У вашего отца был компьютер? – задал очередной вопрос Дрисколл.

Я невольно покачал головой, по-прежнему не понимая, что происходит.

– Простите, о чем вы спросили? Ах да, у него был компьютер. Ноутбук.

В руках агента Паркер появился блокнот.

– Когда именно погиб ваш отец?

– Четвертого мая. В пятницу.

Она слегка толкнула напарника локтем в бок и показала ему страницу своего блокнота.

– Вот сообщения за тот день и последующие.

Теперь картина стала проясняться.

– Вы Рэй. Отца звали Адам. А некто Томас Килбрайд проживает по этому адресу? – спросила Паркер.

– Да.

– Вы с ним состоите в родственных отношениях?

– Это мой брат.

– А сейчас он здесь?

– Да. Он наверху.

Если мне с самого начала стало неуютно при появлении этих людей, то сейчас дискомфорт ощущался значительно сильнее. Что, черт побери, мог натворить Томас, если к нам в дом явились сотрудники ФБР? И как он отреагирует, узнав, что они пришли к нему?

– Мой брат проводит у себя в комнате бо2льшую часть дня. Не знаю, зачем он вам понадобился, но он совершенно безобидный.

– Что он делает в своей комнате? – спросила Паркер.

– Сидит за компьютером.

– И он сидит за ним часами напролет, не так ли?

– Послушайте, мой брат страдает психическими отклонениями. И предпочитает находиться в одиночестве.

– Какими отклонениями он страдает? – поинтересовался Дрисколл.

– Ничем таким, что могло бы причинить беспокойство окружающим, – ответил я. – Да, у него есть проблемы, но он ни к кому с ними не пристаёт. И вообще брат очень... очень послушный.

– Но при этом ему нравится отправлять электронные письма, – заметила Паркер.

Я ощутил дурноту.

– О каких письмах идет речь?

– А вы совсем не контролируете переписку своего брата в Интернете? – спросил Дрисколл.

– Что? Нет, не контролирую. Мне даже неизвестно, что он с кем-то переписывается. Говорю же вам, брат очень замкнутый человек.

– И вы не знаете о том, что Томас Килбрайд регулярно направляет электронные сообщения в Центральное разведывательное управление?

– Боже всемогущий! – вырвалось у меня.

– И что многие письма адресованы бывшему президенту Биллу Клинтону?

Я почувствовал слабость в коленях.

– Прошу вас, скажите мне, что в его письмах не содержалось никаких угроз и вы приехали не за тем, чтобы арестовать его.

Посетители переглянулись, приняв некое безмолвное решение, а потом Паркер произнесла:

– Нет, письма не содержали угроз, однако они вызвали... определенную обеспокоенность. Вы попросите его спуститься, или нам самим лучше подняться к нему?

– Пожалуйста, подождите здесь.

Я поднялся по лестнице и без стука открыл дверь спальни брата.

– Готовить ужин еще рано, – сказал он. – Оставь меня.

– Тебе все равно придется спуститься, Томас.

– Зачем?

– У тебя посетители.

Я ожидал, что брат спросит, кто они, но он лишь сказал:

– Во как!

И поднялся из кресла. Когда Томас направился к лестнице, я слегка придержал его за локоть и предупредил:

– Эти люди из правительственной организации.

На мгновение он замер, а потом дважды кивнул с таким видом, будто ожидал гостей не сегодня, так завтра.

– Отличная новость, – заявил брат.

– В этом нет ничего хорошего, Томас. Что за идиотские письма ты отправлял в ЦРУ?

– Доклады о ходе моей работы, – ответил он и проскользнул мимо меня на лестницу.

С порога гостиной Томас направился прямо к визитерам, чтобы пожать руку сначала даме, а потом и Дрисколлу.

– Я – Томас Килбрайд, – представился он. – Очень рад вас видеть, хотя президент не предупредил меня о вашем приезде.

– Президент? – переспросила агент Паркер.

– Хорошо, формально он бывший президент, но мистер Клинтон заверил, что его можно по-прежнему называть так. Впрочем, не знаю, зачем мне нужно объяснять это людям, которых прислал он лично.

– С какой стати ему присылать нас сюда? – спросил Дрисколл с каменным выражением лица.

Услышав эту фразу, Томас, кажется, впервые слегка забеспокоился.

– А вы разве не из ЦРУ?

– Нет, – ответила Паркер. – Мы с агентом Дрисколлом представляем ФБР.

Разочарованию Томаса не было предела, и он даже не попытался скрыть этого.

– ФБР? – удивился он. – Но я ожидал офицеров ЦРУ.

В этот момент он напоминал ребенка, который вскрыл коробку с рождественским подарком и вместо игровой приставки обнаружил в ней всего лишь пару носков.

– Я ведь поддерживал связь с ними.

– Вообще-то мы здесь как раз по их просьбе, – сообщила Паркер. – Им понадобилась наша помощь.

– Это, случайно, не по поводу моего места работы? Потому что мне хотелось бы продолжать ее дома. Меня совсем не тянет в Вашингтон. Скажи им, Рэй. Мне и здесь хорошо.

– Мистер Килбрайд, – произнес Дрисколл, – почему бы нам всем не присесть?

Агенты устроились в креслах, а мы с Томасом на диване по другую сторону журнального столика.

– Только не поймите меня превратно, – поспешил заверить их Томас. – Я вовсе не хотел вас обидеть. ФБР тоже очень серьезная организация. Но я ожидал людей из ЦРУ.

– Что ж, мы работаем в тесном контакте, – сказал Дрисколл. – Делаем общее дело.

Я уловил перемену в его тоне. Он стал менее враждебным. Это потому, надеялся я, что, познакомившись с Томасом, агент понял: никакой угрозы от него не исходит.

– Вы писали в ЦРУ о возможной атаке некоего компьютерного вируса, – заметила Паркер, и если Дрисколл стал вроде бы чуть дружелюбнее, то она держалась все так же сурово и настороженно.

– Верно, – кивнул Томас. – Я уже все объяснил в своих посланиях в ЦРУ, к президенту Клинтону, говорил об этом в личных беседах.

И совсем недавно, напомнил я себе.

– Но я готов повторить еще раз, – продолжил мой брат. – Я не располагаю никакой конкретной информацией о данном вирусе. С моей стороны это всего лишь гипотеза. Не уверен даже, что это будет именно вирус. Может случиться гигантская вспышка на Солнце или нечто вроде ядерного взрыва. Причиной катастрофы может стать попавший в Землю крупный метеорит. Каждое из подобных явлений приводит к катаклизму.

– Вот как, – сказала Паркер. – Какие же, по вашим прогнозам, нас ожидают последствия?

– Будут уничтожены системы джи-пи-эс и карты, заложенные в программы компьютеров. Все будет стерто. – Томас щелкнул пальцами, но поскольку это у него никогда толком не получалось, едва ли сумел издать хоть какой-то звук.

Затем он объяснил, какую роль лично призван сыграть, чтобы помочь своей стране преодолеть последствия несчастья; как он запоминал планы улиц всех основных городов мира.

– А еще, как вам, должно быть, известно, я нахожусь в постоянной готовности на случай, если у одного из агентов правительства США возникнет необходимость в экстренном порядке покинуть какой-либо из городских районов в любой точке земного шара. Я смогу обеспечить ему маршрут, подсказать расположение улиц, проходов между домами и прочую информацию подобного рода.

– Вот как, – повторила Паркер. – Но скажите мне, Томас, а вы сами не попытаетесь написать такую программу, создать свой вирус, который выведет из строя компьютерную систему правительства США?

– Нет, – ответил он, ничуть не смущенный заданным ему вопросом. – Я не настолько хорошо владею компьютером. То есть я, конечно, провожу за ним много времени...

Томас посмотрел на меня, словно ожидая, что я вставлю веское слово.

– Я знаю, как включить его, пользоваться электронной почтой и применять сайт «Уирл-360», чтобы перемещаться по миру, но это, пожалуй, и все. Я, например, понятия не имею, как разобрать компьютер, и если у меня что-нибудь ломается, папа отвозит его к мастеру в город. – Он сделал паузу. – То есть отвозил раньше. Мой отец умер.

– Да, мы слышали об этом, – сказал Дрисколл. – Примите наши соболезнования.

– Это я нашел его, – продолжил Томас. – Его убил трактор.

Он произносил это как необходимую формальность, будто ему хотелось, чтобы у наших гостей не оставалось сомнений в том, что произошло.

– Ваш брат поставил нас в известность, – произнес Дрисколл.

– И что же вы хотите от ЦРУ, Томас? – поинтересовалась Паркер.

Брат приосанился.

– Мне от них ничего не нужно. Речь о том, что они могут получить от меня. Я предложил им свои услуги. Вы должны это знать, если ознакомились с моими сообщениями. Когда компьютерные карты перестанут существовать, я сумею прийти правительству на помощь.

– Каким же образом?

Томас выразительно посмотрел на меня. «Эти люди туго соображают, или я чего-то не понимаю?» – читалось в его взгляде.

Он вздохнул:

– А таким, что у меня все в голове. Карты. Улицы. Как все это сейчас выглядит. – Когда его не понимали, Томас начинал цокать языком в паузах между фразами. – Компьютеры будут бесполезны, и я смогу начертить новые карты или стать проводником в случае необходимости. Но, честно говоря, я бы предпочел делать это, не покидая дома. Меня здесь все устраивает. Я мог бы указать направление любому человеку в любой точке планеты, сам находясь все время тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.